

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

**ЗЕМЛЯ
МЕРТВЫХ**

Роман

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Жан-Кристоф Гранже

Земля мертвых

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Гранже Ж.

Земля мертвых / Ж. Гранже — «Азбука-Аттикус»,
2018 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-16551-9

Когда Стефану Корсо поручили расследование убийств двух девушек из стриптиз-клуба, он думал, что столкнулся с обычным серийным убийцей. Но детектив ошибся. Это был вызов на дуэль, адресованный лично ему. Предстояла смертельная борьба: ведь главный подозреваемый Филипп Собески, известный художник, отсидевший семнадцать лет за ограбление и убийство, совершенно уверен в своем алиби. Чем дальше заходит расследование, тем глубже Корсо и его коллеги погружаются в страшный мир, где жесткое порно и старинное японское искусство связывания жертвы далеко не исчерпывают вариантов проявления зла. Но возможно ли сохранить разум и душу, когда наслаждение болью таится в самом черном облаке, окутывающем неизвестные картины Гойи?.. Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-16551-9

© Гранже Ж., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Жан-Кристоф Гранже

Земля мертвых

Jean-Christophe Grangé
LA TERRE DES MORTS

Copyright © Editions Albin Michel, S.A. – Paris 2018

© М. И. Брусовани, перевод (главы 1–45), 2019

© Р. К. Генкина, перевод (главы 46–104), 2019

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

* * *

Часть первая

1

В «Сквонке» было все, чтобы ему не понравиться. Кабак со стриптизом, а значит, под наблюдением полиции, был расположен в третьем уровне ветхого здания Десятого округа. Лестничные ступеньки, стены, пол, потолок – все там было черное. Стоило шефу первого подразделения бригады уголовного розыска Стефану Корсо спуститься, уши у него тут же заложило от глухого рокота. Как в метро, подумал он... А вот и нет: всего лишь звуковой эффект в духе Дэвида Линча, чтобы окончательно произвести на вас гнетущее впечатление.

Миновав коридор с фотографиями красоток пятидесятых годов в обрамлении узких полосок светодиодных ламп, вы попадали в бар. Традиционные ряды бутылок позади стойки были заменены черно-белыми картинками с изображением заброшенных промышленных зон и обветшалых гостиниц. *No comments.*

Корсо последовал за другими зрителями и, свернув вправо, оказался в наклонном, как в кинотеатре, зале с красными креслами. Он устроился в углу – вуайерист среди других таких же – и дождался, когда погаснет свет. Он пришел, чтобы прощупать почву, и в этом смысле его все устраивало.

Судя по программке (это был прямоугольник черного пластика с белым текстом – вроде рентгеновского снимка), прошло две трети шоу. И Корсо в который раз задумался, как могло случиться, что вернулась мода на бездарные зрелища подобного рода. Правда, теперь их на американский манер стали называть «новый бурлеск». Он уже терпеливо выдержал Мисс Бархат – со стрижкой каре под Луизу Брукс, и покрытую татуировками брюнетку Кэнди Мун и ее танец с семьей покрывалами, и Цыганку Розу, способную, делая мостик, снять обувь. Ожидались Мамзель Нитуш и Лова Долл...¹ Подобные шоу никогда не привлекали Корсо, а внешность и ужимки дамочек, жирноватых, кривляющихся и чересчур накрашенных, не вызывали у него интереса: его заводило совсем другое.

По ассоциации он вспомнил об Эмилии и о первых документах по разводу с претензиями сторон, которые днем прислал ее адвокат. Именно они и были подлинной причиной его дурного настроения. С юридической точки зрения эти претензии знаменовали не окончание процедуры, а, напротив, начало военных действий. Поток лжи и оскорблений, продиктованных самой Эмилией, на которые ему предстоит ответить столь же злобно и резко.

Ставкой в этой битве был их ребенок, Тедди, которому вот-вот должно исполниться десять и основным опекуном которого Стефан надеялся стать. Корсо боролся не столько за то, чтобы сохранить при себе сына, сколько за то, чтобы отдалить мальчика от матери. С его точки зрения, она воплощала собой абсолютное зло: крупная чиновница, болгарка по происхождению, любительница жестокого садомазо. От этих мыслей горло захлестнула жгучая струя кислоты, и он подумал, что все это очень скоро закончится язвой, раком печени или – а почему бы и нет? – предумышленным убийством.

Появилась Мамзель Нитуш. Корсо сосредоточился. Блондинка с молочно-белой кожей и широченными бедрами. На ней не было ничего, кроме боа из перьев, двух серебристых звезд на сосках и черных стрингов, которые туго охватывали ее непомерные прелести. Вдруг артистка изогнулась и наклонилась, чтобы пошарить у себя в заднице, откуда она, потягивая, как собачонка, извлекла рождественскую гирлянду. Корсо глазам своим не верил. Под востор-

¹ От англ. love doll – надувная кукла. (Здесь и далее примеч. перев.)

женные аплодисменты зрителей стриптизерша, словно гигантская юла, принялась вертеться вокруг своей оси, сохраняя равновесие на двенадцатисантиметровых каблуках и подбрасывая в воздух шелковую ленту.

В конце концов Корсо вспомнил, почему он так поздно торчит в этом сомнительном заведении. Двенадцать дней тому назад, в пятницу, 17 июня 2016 года, на улице Потерн-де-Пеплие, рядом с площадью Италии, за мусорными контейнерами было обнаружено тело артистки из «Сквонка» Софи Серей, она же Нина Вис, тридцати двух лет. Обнаженная и связанная собственным нижним бельем, молодая женщина была чудовищно изуродована: убийца прорезал углы ее губ до самых ушей и воткнул камень ей прямо в горло, чтобы рот оставался открытым, придав таким образом лицу выражение ужасающего крика.

Расследование поручили майору Патрику Борнеку, шефу третьего подразделения следственной бригады. Сыщик, хорошо знающий свое дело, применил стандартный метод: фотофиксацию и взятие образцов на месте преступления, обход соседних домов, просмотр записей видеонаблюдения, допрос родных и близких, поиск свидетелей и так далее.

В первую очередь полиция заинтересовалась гостями «Сквонка». Борнек полагал, что ему удастся собрать обширные сведения от сексуально озабоченных завсегдатаев и конченных извращенцев, посещающих заведение. Но он ошибся в своих расчетах: здешнюю клиентуру составляли молодые хипстеры, подсевшие на кокаин финансисты и интеллектуалы – приверженцы второго состояния сознания, которые полагали, что присутствовать на таких замшелых представлениях круто. Впрочем, проверка рецидивистов и прочих насильников, как недавно освободившихся, так и состоящих на учете, тоже ничего не дала. Группа Борнека заодно проверила приверженцев БДСМ и бондажа – то, что убийца связал жертву ее собственным нижним бельем, наводило на мысль о садомазохистских практиках. Тщетно.

Были тщательно просеяны все компьютеризированные уголовные картотеки, начиная от базы данных о предыдущих судимостях до программы SALVAC², чтобы в итоге снова получить полный ноль. А также внимательно изучены те несколько исковых заявлений, в которых упоминалось нижнее белье. И тут тоже поживиться оказалось нечем, если только не собираешься открыть магазин женского нижнего белья.

Опрос жителей расположенных рядом со свалкой домов, а также соседей жертвы, проживавшей по адресу: Иври-сюр-Сен, улица Марсо, не принес никаких результатов. Софи Серей вернулась домой 16 июня в час ночи на «Uber». Водитель высадил ее возле подъезда, и больше девушку не видели. На следующий день у нее был выходной, так что в «Сквонке» никто не встревожился. Что же касается находки на улице Потерн-де-Пеплие, то труп обнаружили ремонтники-поляки, пришедшие выбросить строительный мусор. До этого ни страдающие бессонницей, ни камеры наблюдения не заметили ничего подозрительного.

Следствие составило портрет жертвы, покопалось в ее прошлом.

Софи считала себя актрисой и, закончив работу в клубе, бегала в поисках любой театральной халтуры.

Горстка друзей, отсутствие бойфренда, никакой родни. В роддоме мать сразу отказалась от нее, так что никто, даже полицейские, не мог знать, кто были ее биологические родители. А росла она в приютах и приемных семьях на западе Франции. Получив диплом специалиста высшей квалификации в области менеджмента в Гренобле, в 2008 году Софи приехала в Париж, чтобы посвятить себя тому, что по-настоящему любила: танцу и стриптизу.

Не многого удалось добиться и от ее работодателей. «Артистка балета», согласно идентификационному коду раздела зрелищ Центра профессиональной занятости, стриптизерша рабо-

² SALVAC (Système d'analyse des liens de la violence associée aux crimes) – компьютерная система, разработанная Королевской жандармерией Канады в 1990-х гг. специально для следователей, специализирующихся в составлении психологического профиля преступника с целью выявления серийных преступлений и их авторов на основе связей, существующих между деяниями, совершенными одним и тем же правонарушителем.

тала в «Сквонке» всего три дня в неделю, а остальное время делала что придется. Подрабатывала в захолустных заведениях, частным образом выступала на мальчишниках и давала уроки раздевания на девичниках. Как будто перед свадьбой у молодняка на уме только стриптиз...

Охочий до банальных штампов Борнек предположил, что стриптизерша, чтобы свести концы с концами, спала с поклонниками своего дарования. Он ошибался. Сыщики не обнаружили и намека на это. Софи предпочитала спортивные и духовные занятия: хатха-йогу, медитации, марафон, горный велосипед... Что не мешало ей ежемесячно пересекаться с сотнями мужчин во время своих шоу или на велосипедных дорожках. Вот вам еще сотни анонимных подозреваемых.

Через неделю Корсо ощутил, что дело вот-вот свалит на него. Случается, что при отсутствии результата полицейские меняют команду, возможно, просто для того, чтобы создать ощущение, что работа продвигается. Тем более что в средствах массовой информации стремительно рос интерес к этой истории. Ведь в ней были налицо все составляющие роскошного сюжета из доброго старого раздела «Происшествия» – порнуха, кровища, тайна...

Короче говоря, возглавляющая следственную бригаду Катрин Бомпар получила от прокуратуры добро на продление предварительного следствия – периода до возбуждения уголовного дела прокурором и заключения подозреваемого под стражу. А затем вызвала Корсо к себе в кабинет. Стефан попытался отказаться. Но Бомпар быстро привела его в чувство – выбора у него не было: она не только выше его по служебному положению, но также и его «крестная мать» – именно она помогла ему избежать тюрьмы, куда непременно рано или поздно попадала вся та шпана, которую он ловил вот уже почти двадцать лет.

Передача эстафеты была намечена на утро. Корсо на целый день погрузился в досье – оно состояло уже из пяти увесистых папок. А ближе к вечеру он объявил новость членам своей группы, раздал им собственноручно составленный план и приказал разобраться с текущими делами, чтобы уже завтра приступить к расследованию. «Летучка в девять утра».

В зале опять зажегся свет. Мамзель Нитуш припрятала свои гирлянды; очевидно, и Лова Долл уже выступила. Он все пропустил. Теперь, когда публика поднималась со своих мест, он заметил радостные и довольные лица зрителей. И в который раз – впрочем, это было вполне привычное ощущение – почувствовал ненависть к этим приличным людям.

Дождавшись, когда все покинут зал, сыщик направился к ведущей за кулисы черной двери справа от сцены. Пришла пора нанести визит владельцу заведения, Пьеру Камински.

2

Корсо давно был знаком с ним – он сам однажды уже арестовал его, в 2009-м, когда еще работал в бригаде противодействия сутенерству, – и припомнил послужной список этого прохвоста.

Пьер Камински родился в 1966 году в окрестностях Шартра и в шестнадцать лет покинул родную ферму. Поначалу он был «панком с собакой»³, потом жонглером, затем исполнял цирковой трюк по выдыханию огня, а к двадцати двум годам отправился в Штаты. Там он подвизался на офф-бродвейских театральных площадках (по крайней мере, с его слов). А в 1992 году вернулся во Францию, чтобы поблизости от площади Республики открыть ночной клуб «Харизма». Спустя три года он был арестован и осужден за нанесение побоев и ран одной из своих официанток. Условный срок. Банкротство. Исчезновение.

Позже он вновь появился, открыв в районе канала Сен-Мартен ночной клуб «Притворщик», где устраивались групповухи. Его заведение процветало, пока он не попался – на сей

³ «Панк с собакой» – житель трущоб, тип скитающегося маргинала, появившийся в 1990-х гг.; обычно его сопровождает собака.

раз на сутенерстве. Три года строгого режима. Он отсидел всего два. В 2001-м босс снова восстал из пепла и основал стриптиз-клуб «Шарпей» на улице Понтё, который просуществовал восемь лет, прежде чем его закрыли за «торговлю людьми». Камински схлопотал новое обвинение, заодно его заподозрили в убийстве одной из танцовщиц, изуродованный труп которой обнаружили на помойке в нескольких кварталах от его заведения. Ему удалось выпутаться из этой истории, обвинения были полностью сняты – свидетели и истцы словно испарились, – и он снова исчез. И правильно сделал, потому что уверенный в его виновности Корсо сумел бы довести дело до конца, как полагается. А в 2013 году сутенер опять объявился и открыл «Сквонк», где всегда было полно народу.

Корсо оказался в гардеробной, две стены которой были заняты стойками, завешанными костюмами, а третья представляла собой гримерку с обрамленными лампочками зеркалами. Здесь царил веселый беспорядок: на столах валялись тюбики помады, тушь и румяна; чемоданы на колесиках, обувь и различные аксессуары были разбросаны по полу, как после сражения.

Большинство «девочек» были еще не одеты. В углу *stage kitten* (вроде сборщицы мячей на теннисном корте, разве что здесь речь шла о бюстгальтерах и трусиках) развешивала на плечики свой урожай. Сидя на табурете, чернокожий чечеточник в розовом костюме прикручивал к своим башмакам металлические пластинки.

– Камински, – произнес Корсо, обращаясь к парню.

Чечеточник окинул его быстрым взглядом. Этот новый сыщик явно не удивил и не напугал его: после убийства Нины легавые шли сюда стройными рядами.

– В конце коридора.

Корсо переступал через надувной гамбургер размером с пуф, головные уборы с перьями, атласные корсеты, таитянские ожерелья... Он ощутил внезапный прилив нежности по отношению к девушкам, которые сами сочиняли свои номера, шили себе костюмы и оттачивали свое хореографическое мастерство. Ему вспомнилось собственное детство, когда он наряжался в Индиану Джонса или изображал Брюса Ли перед зеркалом в дортуаре.

Корсо вошел без стука. Первым, кого он увидел, был техник, который, стоя на стремянке, чинил потолочный светильник. Вторым был Камински. С обнаженным торсом, в спортивных штанах. Уперев кулаки в бока, он следил за операцией, словно речь шла о сооружении моста через реку Квай⁴. Резкие черты худого, словно состоящего из прямых углов лица подчеркивала короткая легионерская стрижка. Квадратными были и его прямые широкие плечи с ярко выраженной мускулатурой. Самый известный в столице торговец сексом был похож на военного парашютиста.

– Глянь-ка, – бросил он, мельком взглянув на Корсо, – какие люди!

Корсо обратил внимание, что Камински был босиком. Кокосовая стружка на полу могла сойти за подобие татами.

– Похоже, ты не удивлен моим появлением.

– В последнее время я навидался здесь сыщиков, так что сыт вами по горло.

Корсо изобразил улыбку:

– Я пришел, чтобы задать тебе пару вопросов.

Вместо того чтобы встревожиться, Камински без предупреждения встал в стойку *дзен-куцу-дачи*, выставив вперед одну ногу, слегка согнутую в колене, а вторую, напряженную, вытянув назад и сжав кулаки.

– Вам мало того, что вы уже брали меня под стражу?

⁴ Намек на фильм «Мост через реку Квай» (1957), режиссер Дэвид Лин.

Первой реакцией Борнека было арестовать Камински, памятуя о его прошлых судимостях. Очередная ошибка. Спустя несколько часов, после проверки его алиби, комиссару пришлось освободить сутенера.

Камински крутанулся вокруг себя и послал в сторону стоявшего на стремянке техника *маваши-гери* (удар ногой в повороте), остановив его в нескольких миллиметрах от бедра своего помощника. Похоже, тому было не привыкать, потому что он даже не шелохнулся.

– Вы уже раз десять приходили сюда, – продолжал хозяин заведения. – Вы допрашивали моих танцовщиц, вызывали мой персонал, надоедали моим клиентам. И меня, и клуб вот уже неделю поливают дерьмом. Все это вредит бизнесу.

– Ну-ну, рассказывай! После убийства Нины у тебя не протолкнуться. Народ так и прет на запах крови!

В благодарственном жесте Камински воздел руки:

– Наконец-то ты нащупал мотив!

– Поговорим серьезно, как мужчина с женщиной.

Сутенер расхохотался:

– Ого, Корсо, как ты заговорил! Мы с тобой вместе по девкам не ходили. В последний раз, если мне не изменяет память, мы общались, когда в две тысячи девятом ты меня упаковал в тюрягу.

Корсо не отреагировал – обычная хулиганская выходка.

– Мне бы хотелось, чтобы ты описал мне Нину... по-человечески, как друг. Ты ведь был с ней близок, верно?

Камински снова встал в стойку *дзенкуцу-дачи*:

– Соблюдая разумную дистанцию между работодателем и служащей.

Корсо вспомнил про официантку, которой тот снес челюсть, и танцовщицу без лица, обнаруженную на улице Жана Мермоза.

– Ты с ней разве не спал?

– Нина ни с кем не спала.

– Чем же она занималась?

Камински крутанулся и послал *йоко-гери* (боковой удар ногой) точно по направлению колена электрика, по-прежнему сражающегося с проводами.

– Больше всего она любила нагишом бродить по пляжам с белым песком.

Да, Корсо читал в ее досье: Софи Серей была адепткой натурализма. Так что ее личную жизнь и профессию не разделял даже лоскуток стрингов.

– А как насчет наркотиков, алкоголя?

– Я что, неясно выразился? Нина была чиста, как артезианский источник.

– И никаких встреч с клиентами?

Сделав глубокий вдох, сводник встал в стойку *шико-дачи*, лицом к противнику, ноги напряжены, стопы развернуты на сорок пять градусов, ладони уперты в колени – положение борцов сумо. В свои пятьдесят он сохранял олимпийскую форму.

– Не ищи того, чего нет, Корсо. Нина была безупречная девушка с чистым сердцем. Она буквально излучала доброжелательность. Одно ее присутствие в профессии хотя бы немного оправдывало нас всех. Три дня назад мы ее хоронили. Родных-то у Нины не было, так вот, я никогда не видел на кладбище такую толпу. Сколько друзей, коллег, поклонников...

Хотелось бы Корсо тоже присутствовать на этих похоронах – тогда он мог бы сам прощупать почву.

– И вместе с тем профи! – продолжал каратист. – Одна из лучших во Франции. Сама писала себе сценарии, придумывала позы, движения, прорабатывала мельчайшие детали...

Твою мать! Я предсказывал ей звездную будущность! Она должна была стать новой Дитой фон Тиз!⁵

Камински преувеличивал. В Интернете Корсо увидел всего лишь хорошенькую блондиночку с забавной внешностью актрисы немого кинематографа и простенькой хореографией.

Новая стойка. Двойной шаг, *тобиконде*. *Окури-аши*.

– Шикарная девочка, которой попросту не повезло.

– Может, как раз здесь и не повезло, с тобой?

– Ты зря теряешь время, Корсо. Нет ничего безопаснее и здоровее, чем мое заведение и его публика. Извращенность – это порок сексуально неудовлетворенных. Именно нравственность создает зло, а не наоборот. Ты ведь и сам в курсе, верно?

Корсо сглотнул, испытывая мерзкое ощущение, что его разоблачили. Он всегда путал карты: аскетичный, как янсенист, он в свои почти сорок одевался как фанат «Нирваны»; будучи хулиганом в душе, он стал полицейским; считая себя христианином, он никогда, ну или почти никогда не переступал порога церкви. Что же касается секса, то он предпочитал только одухотворенных девственниц, но лишь с тем, чтобы осквернить их. Кого он хотел обмануть? Себя самого?

– А твои дружки? Ты ведь сохранил связи со своими сокамерниками, со сторонниками жесткого секса?

Камински провел в сторону стремянки *ура-маваши-гери*, обратный круговой удар стопой, и удар напряженными пальцами ноги – *цумасаки-гери*. Корсо прежде тоже занимался карате и вынужден был признать, что сутенер безусловно владеет техникой. У электрика на стремянке уже начали дрожать колени.

– Ты снова ошибся, *maricon*⁶. Убийца, которого ты ищешь, не сидел. И он не носит бейдж с надписью: «Серийный убийца». Это нормальный мужик, чистый, без всяких там историй.

Корсо был согласен. Внутренняя жестокость, обуревающая преступника и заставляющая его перейти к действию, безусловно, пропорциональна спокойствию, которое он выставляет напоказ.

– Как отреагировали твои девочки?

– А ты-то как думаешь? Нам пришлось открыть кабинет психологической помощи.

Корсо едва удержался от смеха.

– Однако они уже снова принялись за работу, – продолжал владелец заведения. – Из солидарности. Они считают, это лучшее, что они могут сделать в память о Нине.

– *Show must go on...*⁷

Электрик наконец соединил последние провода и поставил на место плафон. Красным светом загорелись глазницы возвышавшегося в углу комнаты скелета, который, должно быть, служил Камински спарринг-партнером.

Хватит здесь торчать. Полицейский стал зрителем убогого представления и только зря потерял время с порочным каратистом. От сводника несло потом и глупостью, но не страхом и уж тем более не наигранным безумием, о котором свидетельствовало бы убийство Нины Вис. На самом деле Корсо был убежден: убийца не принадлежал к кругу «Сквонка». Иначе Борнек установил бы его. Они имели дело с *посторонним* преступником.

Пока техник слезал со стремянки, Камински согнулся, чтобы как полагается исполнить учтивый поклон. Электрик коротко кивнул, подхватил ящик с инструментами и удрал.

⁵ *Дита фон Тиз* (р. 1972) – американская исполнительница шоу в стиле бурлеска.

⁶ Педераст (*исп.*).

⁷ *Show must go on* («Шоу должно продолжаться») – песня британской рок-группы «Queen» из альбома «Innuendo». Песня вошла в сборник группы «Greatest Hits II». На концерте памяти Фредди Меркьюри песню исполнил Элтон Джон.

– Корсо, всем известно, что ты хороший сыщик, – прошептал сутенер, доставая кусочек кэма, папиросную бумагу и сигареты. – Вместо того чтобы столько времени доставать меня, лучше найди мне изверга, который это сделал.

– Ты приберег для него свой *маваши-гери*?

Камински провел языком по папиросной бумажке и подмигнул сыщику:

– Возможно, я сохранию его для тебя...

Когда-то в молодости у Корсо был черный пояс второго дана, но теперь ему казалось, что к его юности эта история отношения не имеет. В бою с Камински он не продержался бы и двух минут. Однако он тут же парировал:

– Всегда к твоим услугам.

Необходимо было попасть в тон.

Камински скрутил косячок, прикурил и исполнил очередной *йоко-гери* в направлении лица сыщика. Корсо, который не видел, когда тот начал движение, ощутил прикосновение края его ступни к своему подбородку.

Он снова сглотнул – на сей раз пересохшим горлом – и попытался улыбнуться:

– Дай-ка курнуть.

3

Корсо жил в трехкомнатной квартире на улице Кассини в доме постройки шестидесятых годов. Арендную плату снизили из-за отвратительного вида: окна смотрели на глухую стену больницы Кошен. Квартира была не бог весть какая, но сыщику нравился этот квартал, который словно бы раскрывался после бульвара Араго и простирался до самого парка Монсури. А при взгляде на авеню Рене Коти, с мастерскими художников и рядами платанов, которые превращали улицу в широкий бульвар, у него теплело на душе.

Сыщик бросил куртку и кобуру на диван и направился к барной стойке, отгораживающей кухонный уголок. Распахнув дверцу холодильника, он увидел там застывшую картинку своей холостяцкой жизни. Просроченные продукты, недоеденные консервы, остатки *takeaway*...⁸

Он взял банку пива и уселся на раздвижной диван, который вместе с письменным столом представлял собой всю его мебель. Он нашел эту берлогу после разрыва с Эмилией и даже не попытался обустроить свое жилище, кроме комнаты, предназначенной для Тедди, – ее он заботливо обставил. В остальном это ощущение непостоянства ему нравилось: оно напоминало Корсо про его положение парии, вечного изгнанника.

Он родился в самом низу социальной пирамиды, так же как Нина Вис, от матери, пожелавшей остаться неизвестной, в детстве скитался по приютам и приемным семьям, а позже, в ранней юности, так и остался бездомным псом, которому не дано ни закрепиться на одном месте, ни приспособиться к нормальной жизни. Его, воришку, наркомана, асоциального типа, в последний момент спасла Катрин Бомпар, взяв под свое крыло и дав ему возможность преуспеть в единственном, чем он мог гордиться (кроме сына): в карьере сыщика.

Однако, несмотря на его послушной список, отсутствие судимостей и крайнюю непреклонность, сходящую за неподкупность, червоточина таилась в нем самом, в глубине его сердца. Государственный служащий, женатый, исправно платящий налоги, он в начале двухтысячных пытался остепениться, но природа взяла свое. Через несколько лет он оказался разведенным, изгоем среди сыщиков, кочующим по собственной жизни... Цыганом с пустыря.

Несколько глотков пива хватило, чтобы к горлу подступила тошнота. Он бросился в ванную и выблевал воспоминания о последних часах – алкоголь, косяк и целлюлит стриптизерш. Одно обстоятельство осложняло его работу полицейского: он не выносил темноты. Ни

⁸ Готовая еда навывнос.

ночных часов, ни ночной фауны. То, что заставляло мещанина мечтать, а интеллектуала предаваться фантазиям, было для него всего лишь потоком глупости и пороков, воплощенных своей ленивых кретинов. Совершенно мифической вселенной, миром мелких спекуляций, долгими часами, потраченными на выпивку, ненужную болтовню и секс. Пустой тратой времени.

После полуночи его неудержимо потянуло в сон, ноги ломило, от тошноты сводило кишки. Лучше бы он стал военным, просыпающимся от звука трубы, или учителем физкультуры, чтобы спозаранку ловить на пробежке первые лучи солнца.

Приподняв наконец голову над унитазом, Корсо почувствовал себя лучше. Он сполоснул лицо, почистил зубы и уселся за письменный стол. Спать совсем расхотелось. Компьютер предлагал ему на выбор два абсолютно разных кошмара: папку с материалами расследования Борнека (он сканировал все документы) или первые требования по его делу о разводе. Он в очередной раз предпочел ужасы первого лжи второго.

Начал он с фотографий места обнаружения тела: в мутном свете дождливого дня труп казался очень бледным. И находился в странном положении: руки связаны за спиной, ноги прижаты к животу, как у эмбриона, голова откинута назад с почти невозможным изгибом шеи. Убийца стянул запястья и лодыжки жертвы ее трусиками. А потом задушил ее же собственным лифчиком. Первой реакцией Корсо, скорее абсурдной, было удивление необыкновенной прочности нижнего белья марки «Принцесса Там-Там».

На первый взгляд акт насилия, совершенный зверем, воспользовавшимся тем, что попало под руку, чтобы обездвигнуть жертву и убить ее. На самом деле все оказалось гораздо сложнее. Во-первых, женщина не подверглась изнасилованию: не было обнаружено каких-либо повреждений, связанных с половым сношением, и ни малейшего следа спермы. Затем при помощи искусных узлов убийца соединил за спиной жертвы бюстгальтер-удавку с трусиками. Все наводило на мысль о том, что после этого он исполосовал ее и что, извиваясь от боли, жертва удавилась сама.

Раны на лице были чудовищные: своим оружием – ножом, резаком, во всяком случае каким-то тончайшим лезвием, – убийца исполосовал ей щеки, разрезав рот до самых ушей. Потом он глубоко в горло засунул камень, чтобы у несчастной не смыкались челюсти. В результате – огромный черный крик, словно на полотне Эдварда Мунка. И как завершение жуткого зрелища еще одна деталь: кровеносные сосуды век и глазных яблок лопнули от перенапряжения – взгляд был равномерно красным.

Внимательно рассматривая эти фотографии, Корсо не испытывал никаких эмоций. Как у большинства сыщиков, его способность негодовать при виде человеческой жестокости с годами ослабла. Он просто размышлял о том, что они имеют дело с первостатейным монстром, способным скрупулезно спланировать преступление, а потом дать волю безудержной жестокости.

Корсо пролистал другие протоколы. Борнек хорошо потрудился, ничего не скажешь. Стефан не видел, что еще можно добавить. Возможно, убийца был знаком с Ниной, а может, нет. Возможно, он встретил девушку двадцать лет назад, а может, только накануне ее смерти... Где-то во времени и в пространстве их пути пересеклись, но не было никакой возможности поймать тот первый убийственный взгляд, появление тени.

Два часа ночи. Сна ни в одном глазу. Корсо принес из холодильника новую банку пива и решил пойти навстречу худшему: шелкнув по клавише, он открыл папку присланных адвокатом документов, и перед ним появился перечень его недостатков, проступков, грехов. Тут было все: алкоголизм, супружеская грубость, торчание на работе, психологическое давление... Единственное, на что Эмилия пока не отважилась – но он полагал, что в случае необходимости она к этому прибегнет, – обвинение в нескромных прикосновениях к их сыну.

Все это было так грубо, что Стефан не мог поверить своим глазам и надеялся, что судьи не поддадутся обману. Но особенно подлой ему представлялась манера Эмилии и ее адвокатессы превращать мельчайшие проявления его характера, включая достоинства, в недостатки. Горит

на работе? Не принимает участия в воспитании сына. Делает с сыном уроки, следит, чтобы тот занимался на фортепиано? Домашний тиран, слишком властен и требователен. Старается проводить с сыном свободное время? Это чтобы отдалить его от матери...

Когда слова на мониторе стали сливаться в сплошные, готовые воспламениться электрические провода, он закрыл документы, едва сдержавшись, чтобы не шваркнуть ноутбук о стену.

Необходимо дать выход ярости. В голову пришла всего одна мысль: он позвонил Ламберу, командиру второй группы полицейской бригады по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

– Ламбер? Корсо.

– Все в порядке, дружок? – с издевкой поинтересовался тот. – Я думал, сотрудники уголовки ложатся спать в десять вечера.

– У вас сегодня ночью что-нибудь намечено?

– Тебе-то что? Ты из полиции, что ли?

– Я серьезно.

Полицейский кисло усмехнулся:

– Небольшой обыск где-то у черта на рогах.

– Что-то горяченькое?

– Братя Зарауи, браток. Мы три года этого ждали. По нашим сведениям, новейший комплекс, с лабораторией, гидравлическим прессом и *go fast* с пылу с жару.

– Сколько там?

– Сто килограмм смолы, столько же травы и целая упаковка еще не обработанного кокса.

Корсо восхищенно присвистнул. Он надеялся вписаться в мелкую операцию, чтобы встряхнуться, а тут вдруг такой масштаб.

– Где?

– Пикассо.

Квартал Пабло Пикассо в Нантере занимал первую строчку в списке наиболее неблагополучных зон. Уровень номер один по части угрозы и опасности.

– Я с вами.

– *Hola*, браток, это борьба с незаконным распространением наркотиков, а не летние танцы на лужайке!

– Я могу пригодиться. Я там вырос.

– Нашел чем хвастаться. Какого хрена ты вдруг туда заявишься?

– Я зол, просто руки чешутся.

– Тоже мне отдушина!

– Нет, я серьезно.

Неожиданно Ламбер заинтересовался:

– Проблемы с начальством?

– С моей бывшей. Я получил от ее адвоката первые исковые требования по нашему разводу.

Сыщик гоготнул, как индюк:

– Да уж, это тянет на форс-мажор. *Be my guest*⁹.

4

Собственно говоря, квартала Пабло Пикассо не существовало. То, что называли этим именем, представляло собой жилой комплекс, расположенный на авеню Пабло Пикассо в Нантере. Фасады высоких круглых башен, созданных воображением архитектора Эмиля Айо,

⁹ Милости прошу (*англ.*).

украшали мозаики, напоминающие облака, и окна в форме капель воды. Прекрасная мечта архитектора обернулась настоящим кошмаром нищеты и преступности.

Корсо жил там в подростковом возрасте и помнил мельчайшие детали окружающей обстановки: двери в вестибюлях, общих коридорах и на лестницах были покрашены в яркие цвета, а стены покрыты разноцветной штукатуркой. Стены в квартирах были закругленные, ковровое покрытие походило на коротко стриженный газон. Там было много пространства, много фантазии, и все это обитатели поспешно испортили, испачкали, разрушили. Им лишь бы кайф словить, а что да как – не важно...¹⁰

Уже с Парижской окружной дороги в районе Дефанс Корсо различил вырисовывающиеся на фоне синего неба башни. 3:45. Он прибыл вовремя. Ламбер предупредил, что они начнут операцию в 4:00. Сотрудники отдела по борьбе с наркотиками получили разрешение на проведение ночного обыска.

Корсо съехал с Парижской окружной дороги и миновал череду деловых зданий: стекло, сталь, четкие линии – во времена его юности их еще не существовало. На первой же транспортной развязке он увидел, что представление уже началось. Свет мигалок вылизывал основания башен. Во тьме раздавались звуки выстрелов. Его на полной скорости обгоняли полицейские автомобили. Визжали шины.

Корсо установил мигалку на крышу своей машины и включил рацию. В грохоте и потрескивании прозвучал сигнал тревоги:

– Всем патрульным машинам: ранен полицейский! Повторяю: всем патрульным машинам – ранен полицейский! Внимание всем постам! Ранен полицейский!

Ламбер не мог перенести на час вперед начало операции. Может, оперативников уже заметили *шурфы*¹¹, часовые предместий? Или группа угодила в ловушку? Довольно пустяка, чтобы инициатива перешла к противнику.

Корсо пришлось затормозить на втором перекрестке, заблокированном стоящими в шахматном порядке автофургонами. Казалось, все, кто в Нантере носит форму, назначили здесь встречу. Прямо перед собой Корсо заметил парней из бригады по борьбе с бандитизмом, ребят из регионального управления судебной полиции, сыщиков в форме центрального управления и многочисленных районных комиссариатов (по иронии судьбы филиал Министерства внутренних дел находился в нескольких сотнях метров отсюда, на улице Труа-Фонтано).

Корсо припарковался на тротуаре и выскочил из машины. Багажник. Бронежилет. «Зигзауэр SP-2022». Сжимая оружие, он бросился по улице вдоль стоящих автомобилей, пытаясь разобраться в том, что происходит. Зона столкновения сосредоточилась у подножия второй от кругового перекрестка башни Айю. Как раз той, где он прежде жил.

Показав свой бейдж первому попавшемуся караульному, он крикнул:

- Что здесь происходит?
- Капрал Менар. Комиссариат Нантера.
- Я тебе задал вопрос: что происходит?
- Всего две группы. Ждем еще три.

Корсо решил, что парень над ним издевается или же он обкурился. Но потом понял. Он подошел поближе и проорал ему прямо в ухо:

– А ну-ка, вытащи свои сраные затычки!

Полицейский вздрогнул и снял противошумные наушники.

– Простите, – пробормотал он, – я... забыл я про них. – Парень трясся с головы до ног, дрожащей рукой держа свою пушку. – Вы... что вы говорили?

¹⁰ В оригинале автор приводит цитату из поэмы Альфреда де Мюссе «Уста и чаша»: *Qu'importe le flacon, pourvu qu'on ait l'ivresse. – Не важно из чего, нам надобно напиться.*

¹¹ *Шурф* – смотрящий (араб.).

– Что-здесь-происходит?

– Не знаю. Уже десять минут стреляют...

Обеими руками держа перед собой пистолет, Корсо короткими перебежками бросился вверх по улице. Теперь он различал многие детали, освещаемые светодиодными лампами. Справа, у подножия башни, позади груды плитки, заменяющей в этом квартале зеленые насаждения, двое полицейских в бронежилетах стреляли из винтовок.

Слева, на другой стороне улицы, оградительная лента удерживала возможных зевак на расстоянии, но пока никто не рисковал приблизиться к зоне боя.

Прищурившись, Корсо приметил множество сыщиков, спрятавшихся за автомобилями. Он также увидел стоящую среди бойцов в свете фонарей толстую женщину в хиджабе и джеллабе. Она вопила:

– *Tibni! Tibni! 'Ayn hu? 'Ayn hu?*

Стефан знал достаточно много арабских слов, чтобы понять смысл ее выкриков: «Мой сын! Мой сын! Где он? Где он?» Опустившись перед ней на колени, полицейский в балаклаве из бригады по борьбе с преступностью тянул ее за подол, чтобы заставить пригнуться.

Корсо подобрался ближе к башням, опередив многих вооруженных и стреляющих наудачу полицейских. Пули свистели и шипели в воздухе, как последние бенгальские огни смертоносного веселья. На заднем плане к создававшемуся хаосу присоединились скрежет и завывания радиопомех.

Бросившись за мусорные контейнеры, Корсо наткнулся на труп. Лицо было снесено выстрелом. Колесики баков и валяющиеся на земле мешки с отходами заливала лужа крови. Сам Корсо, вставший на одно колено, тоже весь вымазался в ней. *Tibni! Tibni! 'Ayn hu? 'Ayn hu?* Наверняка это и есть тот самый сын.

Полицейский взобрался на груды плитки, отделяющей его от поля боя. Поначалу он ничего не увидел, только прорывающие тьму вспышки. Потом он различил чешуйки гигантской бетонной змеи – дворовый декор. И только тогда его глазам открылась картина, от которой кровь застыла в жилах. На фонаре, над общественными скамейками, висел человек – его голова составляла прямой угол с фонарным столбом.

Ламбер и его люди по очереди стреляли из своего укрытия под полукруглым козырьком подъезда. Единственным цветовым пятном на их черных силуэтах, скованных бронежилетами, были красные нарукавные повязки. Траурная лента для багряных похорон.

Корсо бросился к ним. Еще не успев поприветствовать коллег, он заметил, что все они вооружены полуавтоматическими штурмовыми винтовками НК G36 с патронами 5,56 мм – стандартного калибра НАТО.

Бросив на него взгляд через плечо, Ламбер натужно расхохотался:

– Ну что, удалось получить разрядку? Еще и подзаработаешь.

5

– А кто этот повешенный? – спросил Корсо, пытаясь заглянуть за спины полицейских.

– Наш шестак. Этот козел попался после того, как слил нам информацию. Похоже, он нас сдал. В результате нас поджидали...

В полумраке вестибюля Корсо сумел более отчетливо разглядеть коллег. Прежде всего Ламбер – крупный бледный мужик с соломенной шевелюрой и бесцветными бровями; кожа в оспинах и гнилые зубы довершали портрет. Его помощники были под стать друг другу: одного сплошь покрывала татуировка *mareros*¹², другой демонстрировал «тунисскую улыбку» –

¹² Матросская (*исп.*).

шрамы, идущие от уголков губ к ушам, – память о наркоторгашах, которых он отправил за решетку.

– Раскладка такова, – начал Ламбер. – Братья Зарауи со своими сообщниками спрятались за змеей и оттуда палят по нам. Позади них, на подходе к вон той башне, дружки повешенного. Тоже стреляют. Время от времени первые вспоминают про вторых и пару раз шарахают по ним, а потом снова лупят по нам. Или наоборот: те, что возле башни, вдруг спохватываются, что сыщики в деле, и посылают в нашу сторону несколько очередей. Ну прямо *threesome*¹³.

В веселости Ламбера звучало отчаяние. Нынче ночью снова будут убитые, раненые – и ни малейшего шанса, что перевес окажется на стороне правого дела.

– Я слышал по рации: полицейского подстрелили?

– Легкая царапина. Зато братья Зарауи одного парня потеряли, а другой серьезно ранен. И есть некоторая надежда, что за змеей есть еще парочка трупов.

– Какой план?

– Плана нет. Мы ждем прибытия групп быстрого реагирования, которые начнут штурм и разнесут все. Если мы вернемся отсюда живыми, возблагодарим святую Риту¹⁴.

– А что насчет лаборатории?

– Тут мы лопухнулись. Пока мы тут стреляем, они со стороны двора эвакуируют свой товар. Эти подонки как раз и защищают въезд на парковку. Когда придет подкрепление, и следа не останется.

Корсо внезапно осенило:

– Есть другой выход.

– Чего?

– Подвалы сообщаются с парковкой.

– Ошибаешься. У нас есть планы, они на первом этаже.

– Говорю же тебе – я здесь жил. По вентиляционным ходам можно добраться до потолка подземного паркинга.

В глазах Ламбера полыхнуло не то безумие, не то лихорадочное возбуждение.

– Подвалы давно превращены в мечеть, – возразил он. – Теперь туда можно проникнуть только снаружи.

– Твои ребята прикроют нас. Если идти вдоль стены, противопожарная дверь в десятке метров от нас.

Ламбер снял винтовку с предохранителя и прокричал:

– Слыхали, парни? Сегодня ночью наливаем бесплатно!

Полицейские заняли позицию. По сигналу командира они начали стрелять, а Ламбер и Корсо двинулись вдоль фасада башни. Не сводя глаз с выступавшей из дворовой плитки змеиной головы с крупными каменными чешуйками, Корсо возблагодарил Бога за то, что Тот сделал его сыщиком и подарил ему такую ненормальную жизнь, оживляемую самой смертью.

Ламбер остановился. Скоро они останутся без прикрытия. Новый сигнал: они пробежали расстояние, отделяющее их от противопожарной двери. Вдребезги разлетались мозаичные плитки, пули искали их в темноте. Ударом ноги Ламбер пробил вход в подвальную мечеть. Теперь в лучах их фонарей проступили ковры, деревянная ниша в стене – михраб, указывающий направление на Мекку, суры Корана и священные имена в рамках на стенах.

Корсохватило нескольких секунд, чтобы сориентироваться:

– Туда!

Они пересекли пространство мечети наискосок влево и отыскивали вход в котельную. Корсо принялся молотить по двери ногами, но ему повезло меньше, чем Ламберу, – замок

¹³ Секс втроем (англ.).

¹⁴ Святая Рита – католическая святая, считается заступницей в безнадежных ситуациях.

выдержал. Сыщик из отдела по борьбе с наркотиками оттолкнул его и выстрелил в стальное кольцо, которое взорвалось, как снаряд. Стрельба в мечети: *кощунство оборачивалось осквернением.*

Они проникли в тесное помещение с рядами кнопок, тумблеров и предохранителей. Над ними, в двух метрах от пола, находился забранный решеткой вентиляционный канал. Ламбер встал на приборный щит, ему удалось подтянуться на приличную высоту и отвинтить раму финкой. Этот нож с деревянной ручкой, знаменитый «Пуукко», он любил демонстрировать в столовой сослуживцам.

Решетка отвалилась, и Ламбер с оружием протиснулся в обложенный стекловатой вентиляционный канал. Корсо последовал за ним. От недоброго предчувствия ему свело желудок. Этим лазом он никогда не пользовался – и даже не был уверен, что труба ведет к парковке. Через несколько метров темнота стала удушающей. Истекающий потом Корсо прикинул в уме пройденное расстояние и решил, что они где-то на полпути.

Вдруг Ламбер взвыл. Корсо осознал, что жар стал другим: теперь он был едким, агрессивным, как зверь, потревоженный в своей берлоге.

– Назад! Они подожгли вентиляцию!

Отгалкиваясь локтями, Корсо дал задний ход, пытаясь задействовать также собственные колени. Дым и пепел залепили горло. Раскаленная стекловата уже почти накрыла его огненным покрывалом.

– Назад! Мать твою! НАЗАД!

Ламбер в панике пихал его ногами, а Корсо, непрерывно получая удары по лицу, пытался ползти задом, извиваясь, как древесный червяк в дыре. Наконец он почувствовал под подошвами пустоту. Еще раз оттолкнувшись локтями, он рухнул в чулан, ставший вместилищем ядовитых испарений. Вскоре сверху на него вперед ногами, обутыми в сапоги с металлическими носами, вывалился Ламбер. Двое кашляющих, отплевывающихся и отхаркивающих мужчин оказались на полу в положении «69».

– Дверь открой! – задыхаясь, пробормотал Ламбер. – Иначе сдохнем!

Корсо каблуком толкнул переборку, и им удалось на четвереньках выбраться наружу. Скорчившиеся, ослепленные, выхаркивающие клочья стекловаты, они, словно потерпевшие кораблекрушение, в последний момент выбравшиеся на сушу, жадно глотали воздух.

Ламбер вскочил на ноги и схватил Корсо за куртку:

– Надо валить отсюда. А не то поджаримся в этом бардаке!

Корсо машинально бросил взгляд в сторону чулана. Никаких следов пламени. Сыщик мгновение помедлил и понял, что произошло: стекловата оказалась огнестойкой, так что дым в вентиляционном канале шел только от зажигательной бомбы на другом его конце.

– И что дальше? – спросил Ламбер, когда Корсо поделился с ним своей догадкой.

– Ползти обратно. Эти козлы думают, что мы сгорели или свалили отсюда. Самое время застать их на месте преступления!

Ламбер все еще кашлял, согнувшись пополам и упершись кулаками в колени.

– Я и забыл, что ты чокнутый...

Но Корсо уже подтягивался в вентиляционную шахту. Достаточно было задержать дыхание, снова вслепую проползти по трубе и внезапно выскочить с другой стороны. Дилеры решат, что имеют дело с зомби, и сдадутся без сопротивления. Во всяком случае, именно это он твердил себе, двигаясь вперед с закрытыми глазами, задержав дыхание. Единственное, что он слышал, был шорох башмаков Ламбера по оплавившейся стекловате и гальванизированной стали трубы – доблестный борец с наркотой лез следом за ним.

Вскоре Корсо различил отверстие канала. Наркаторговцы отвинтили решетку, чтобы бросить бомбу. Перед ним был потолок подземного паркинга с грязными неоновыми светильниками.

Полицейский продвинулся еще и получил возможность наблюдать за происходящим в паркинге сверху: какой-то тип тащил огромную, как коробка от телевизора, упаковку конопляной смолы. Двое других толкали станок с гидравлическим прессом. Четвертый перетаскивал десятилитровые бидоны с каким-то химическим преобразователем.

Глаза слезились, легкие были переполнены углекислым газом, а Корсо оценивал их с Ламбером шансы нейтрализовать ловкачей. Преимущество: у мерзавцев заняты руки. Слабое место: на то, чтобы вылезти из дыры в потолке, в двух метрах от земли, потребуется несколько секунд, за это время те успеют подготовиться к бою.

– Твою мать, да шевелись ты! – прошипел Ламбер, который задыхался позади него.

Корсо засунул оружие под ремень, ухватился за внешние края трубы, кое-как катапультировался и головой вниз соскользнул по стене. В результате чего врезался в капот какого-то драндулета и выронил пистолет.

Он покатился по земле, на карачках бросился к своему пистолету и наудачу прицелился в дилеров, которые, как он и предполагал, потеряли несколько секунд, переваривая его неожиданное появление.

– Не двигаться! – крикнул он.

Первый урод замер посреди паркинга, не выпуская из рук упаковку канабиса. Двое других находились возле «мерседеса»-хетчбэка с откинутым задним бортом. Гидравлический пресс стоял на земле. У четвертого упали пластмассовые емкости.

Все произошло одновременно. Корсо увидел, как парень возле тачки класса V сунул руку в багажник автомобиля, тот, что с бидонами, бросился наутек, человек-канабис попятился. И в тот же момент за его спиной Ламбер вместе со своей пушкой грохнулся на тачку, которая уже послужила трамплином для него самого.

Корсо пальнул в сторону наиболее опасной парочки, задев того, который шарил в моно-объемнике, затем прицелился в упаковку канабиса – державшего ее в руках бандита от выстрела отбросило назад. Корсо знал, что делает: с 2012 года сыщики использовали новые боеприпасы с пустой головкой, которые сплющиваются, попав в цель, но не пронзают ее насквозь.

Все замерло. Раненый рухнул внутрь «мерседеса». Его сообщник машинально поднял руки. Носильщик канабиса, плюхнувшись на задницу, оказался прижат к автомобилю всей тяжестью своей коричневой замазки. Последний мошенник испарился.

Держа наркоторговцев на прицеле, Корсо крикнул Ламберу:

– Надень им браслеты!

Никакого ответа. Обстановка по-прежнему оставалась напряженной, в мозгу Корсо вспыхивали сигналы тревоги. Может, при падении Ламбер потерял сознание от удара? Он бросил взгляд в его сторону и увидел, что сыщик, стоя на полу на коленях, сражается с невесть откуда взявшимся бандитом в капюшоне. Наркоторговец силен развернуть оружие Ламбера стволом к полицейскому. Он обеими руками вцепился в руки Ламбера, чтобы заставить того выстрелить в самого себя. Палец уroda в капюшоне уже лег на спусковой крючок. Выбрав угол, чтобы пуля, не важно, нового образца или нет, не прошла голову мерзавца насквозь и не убила Ламбера, Корсо двумя прыжками оказался в нужном месте.

В этот самый миг он увидел, как палец шевельнулся, горло Ламбера напряглось в последнем усилии, – и выстрелил. Пуля застряла в голове негодяя, разметав осколки кости и ошметки мозгов. Корсо подбежал так стремительно, что успел увидеть, как дымок его выстрела вылетел изо рта мертвого дилера.

Ламбер тут же сконцентрировался и навел свой НК G36 на двоих других, которые – *miracolo*¹⁵ – по-прежнему оставались неподвижны. Корсо отступил на несколько шагов и

¹⁵ Чудо (*um.*).

оперся на автомобиль. Ноги у него дрожали. Ламбер уже надевал на обоих придурков наручники.

Движимый нехорошим предчувствием, Корсо подошел к дорогой тачке. Он нисколько не растерял свои таланты стрелка: пуля снесла наркоторговцу полживота, спалила плоть и разодрала в клочья внутренние органы. При мысли о списке своих ночных достижений Корсо ощутил приступ тошноты.

Ламбер ткнул его кулаком в спину:

– Еще два козла, которые спасли жизнь твоей бывшей!

6

Девять утра, брифинг в штаб-квартире криминальной полиции.

Корсо, не раздеваясь, проспал с пяти до восьми, потом встал под душ, побрился и переделся, заставляя себя не думать о вчерашней бойне.

Они с Ламбером договорились забыть о его присутствии в Нантере. Командир группы возьмет операцию на себя: успех, трупы (один из них – Мехди Зарауи собственной персоной), а Корсо вернется к сбору информации и привычной писанине. Группа быстрого реагирования в конце концов справилась со «змеиными» стрелками. Скрыться удалось только дружкам повешенного. Итог: разгром подпольной лаборатории, несколько арестованных наркоторговцев, три трупа и двое раненых у плохих парней, среди них – один из главарей банды; один раненый из числа полицейских. Отличный итог для Ламбера. Катарсис, если хотите, для Корсо.

Убить двоих человек за одну ночь – шестого и седьмого за восемнадцать лет службы – это не пустяк. Обычно, чтобы пережить подобную травму, он следовал определенному ритуалу: мчался в Сен-Жан-дю-От-Па, первую церковь, обнаруженную им в Париже, когда он вырвался из своего предместья, и молил Бога о прощении.

Будучи сыщиком, прекрасно осознавая присутствие зла во всяком человеке, он не отрекался от своего оптимистичного видения мироздания, включающего пятый основополагающий элемент: любовь. Вот почему после кровопролития он в тишине напоенного ладаном придела предавался самоэкзорцизму. При помощи молитв он пытался подавить одолевающих его демонов, которые вновь, уже в который раз, пробудились в нем...

Но нынче утром времени на церемонию не было. В 8:45 он отъехал от дома и, включив сирену, помчался в сторону Сены. Больше всего ему не давало покоя собственное легкомыслие. Он, отец девятилетнего мальчика, предмета его бескрайней любви и бесконечной борьбы, в который раз подверг себя неоправданному риску...

Четвертый этаж, кофейный автомат. Глотнув из пластикового стаканчика, он не ощутил ничего, кроме ожога от напитка без вкуса и запаха. А он только в этом и нуждался.

Члены его группы уже собрались в зале заседаний. В течение четырех лет он руководил сплоченной и энергичной командой, сохранение хрупкого равновесия в которой стоило ему бессонных ночей. Исчезни любой элемент – и алхимия будет нарушена...

Барбара Шомет, она же Барби. Ни это имя, которое в представлении Корсо вызывало образ высокой, томной и нежной женщины, ни прозвище ей не подходило. Вторая после него по званию, она была маленькой тридцатилетней шатенкой с нерешительным личиком. Тощая как щепка, она носила черные шерстяные платья, дырявые колготки и выдавшие виды кроссовки «Stan Smith». Сбивчивая речь, лихорадочные движения – все в ней выдавало нервозность и неприспособленность к жизни.

Она окончила Институт политических исследований в Париже, собиралась поступать в ENA¹⁶, но в возрасте двадцати шести лет круто сменила курс и отправилась в школу поли-

¹⁶ ENA (*фр.* École nationale d'Administration, ENA) – Национальная школа администрации, французское элитарное госу-

ции. Не в Высшую национальную школу полиции Сен-Сир, которая выпускает комиссаров, а в Канн-Экюз, на простую фабрику, штампующую офицеров полиции. Никто не понимал, что подвигло ее на такой шаг. Кроме того, она не рассказывала ни о своей семье, ни о личной жизни. Если у нее имелся любовник, то его следовало бы пожалеть: Барби отличалась стабильностью маракаса. В настоящий момент она была в звании капитана, однако Корсо прочил ей скорое производство в майоры. Он никогда не встречал сыщика с настолько аналитическим складом ума и такой памятью. Поручить ей детализацию счетов или банковских ведомостей было равносильно тому, чтобы пропустить их через дешифратор.

Сорокавосьмилетняя Натали Валлон представляла собой ее полную противоположность. Прозвищем Шварценеггер она была обязана многолетним занятиям культуризмом. Для краткости коллеги называли ее просто Арни. Массивное телосложение стоило ей в судебной полиции репутации лесбиянки, хотя она двадцать лет была женой учителя и матерью двоих чрезвычайно успешных детей.

Она постоянно носила нелепый черный мужской костюм, белую рубашку и солдатские ботинки. Да она и была настоящим солдатом криминальной полиции, по виду чем-то средним между чиновником и служащим похоронного бюро.

Лишенная честолюбия, она не только не получила, но даже не добивалась звания капитана. Единственной ее настоящей страстью была выпивка. Корсо регулярно приходилось напоминать ей основные принципы группы: никакого алкоголя и наркотиков на службе, табельное оружие в ящике и без шуточек ниже пояса, *пожалуйста*.

По части человеческих качеств Арни не было равных. Улыбчивая, доброжелательная, внушающая доверие. Никто не мог сравниться с ней, когда надо было разговорить свидетелей – а то и подозреваемых. Допрос, проведенный Натали, всегда приносил больше результатов, чем у любого другого сыщика.

Третьего члена группы, которого Корсо ценил меньше всего, звали Людовик Ландремер. Тридцатипятилетний блистательный уроженец Тулузы, обладатель магистерской степени по экономике, без всякого труда взбежал по служебной лестнице. Он выглядел как продавец автосалона: здоровяк в плотно облегающей одежде и узконосых туфлях, копна выющихся рыжих волос на голове и единственная явная страсть – регби. Если у него спрашивали, откуда он родом, Людовик отвечал: «Из Овали»¹⁷.

Его тщательно скрываемой ахиллесовой пятой были сайты знакомств. Этот холостяк жил исключительно ради своих ночных приключений. Его девизом было: «Женщина на вечер, матч на выходные». В конце рабочего дня коллегам приходилось выключать его компьютер, а личный мобильник он оставлял в гардеробе.

Его козырем в работе было терпение. Он мог, не теряя бдительности, неустанно обходить целые здания, звонить во все двери, тысячи раз задавать одни и те же вопросы. *Тральщик Людо*, как прозвали его полицейские, умел уловить в свои сети решающую деталь, мельчайшее противоречие, способное изменить ход любого расследования.

И наконец, имелся еще Кришна Валье. Его родители, отвязные хиппи, давшие сыну имя индуистского божества, наверное, огорчились, увидев, кем стал их отпрыск. Еще ладно бы полицейским, но «государственным служащим»... Процессуалистом, который проводил все свое время в кабинете, где он работал совершенно один, так что коллеги называли это место карцером. Там он письменно формулировал протоколы допросов, рапорты, служебные записки. Будучи магистром права, он единственный владел языком судей и мог разобраться

дарственное учреждение в сфере высшего послевузовского образования и повышения квалификации, созданное в 1945 г. генералом де Голлем, чтобы «демократизировать» доступ к высшим должностям государственного аппарата. Входит в число так называемых высших школ (*фр.* Grandes Ecoles) Франции.

¹⁷ Игра слов. «Ovalie» означает «мир овального мячика», то есть регби; область на юге Франции, где располагаются многочисленные клубы регби; знаменитый турнир по регби и т. д.

в административной путанице. Он также заведовал архивом и умел пользоваться системой SALVAC – огромной базой данных, касающихся кровавых преступлений, которую следовало пополнять всякий раз, отвечая на вопросы бесконечной анкеты.

Остальные индустриями не были, но Кришну – своего – обожали, потому что он позволял им проводить гораздо больше времени на месте событий, чем за компьютером.

Внешность Кришны вполне соответствовала его специальности, если только не наоборот. Невысокий и хрупкий, облысевший в неполных тридцать пять, он сделал ставку на очки, чтобы украсить лицо. Процессуалист носил прямоугольную черепаховую оправу престижной марки, что придавало ему сходство с человечком из конструктора Лего. Никто ничего не знал о его личной жизни, но при такой физиономии, похоже, она умещалась на самоклеящемся листочке для записей.

Он не участвовал в совещаниях, вообще не вел следствия, никогда не выходил из своего кабинета, но являлся жизненно важным элементом группы. Терпение его не имело границ, особенно по отношению к коллегам, которые, не постучав, распахивали дверь и вместо приветствия упорно бросали ему: «Харе Кришна».

– Итак, – начал Корсо, хлопнув в ладоши, – разобрались с текучкой?

– Я заканчиваю с делом Мартеля, – сказала Барби, – Людо составил последние протоколы по корейской мастерской. Мы все еще ждем экспертизу парковки в Обервилье и притормозили с вызовом свидетелей линчевания в Шато-Руж...

Слово «линчевание» напомнило Корсо о вчерашнем повешенном, а заодно и о своих собственных преступлениях. При мысли о том, что его группу могут вызвать, чтобы подсчитать количество трупов на мостовой в квартале Пабло Пикассо, полицейского пронзил ужас. Но Ламбер, разумеется, не остался бы в стороне. Он сам разберется с девяносто вторым отделением судебной полиции – пусть каждый занимается своим делом.

– Значит, мы можем целиком сосредоточиться на клубе «Сквонк»?

Арни вмещалась, как обычно держа руки в карманах (она никогда не делала записей):

– А в чем суть?

– Я вам вчера говорил: на нас сваливают темное дело в надежде, что мы сможем разобраться.

– Все мы читали протоколы, – сказал Людо. – Борнек и его ребята хорошо поработали.

– Но мы можем лучше, – заверил Корсо.

Одобрительное молчание: гордость – нерв любого сражения.

– Мы вчетвером днем и ночью бросаем все свои силы на расследование, во всяком случае до понедельника. И если мы ничего не найдем, срок дознания завершится, будет назначен судья – и энтузиазм сам собой спадет.

– То есть тут дело чести? – улыбнулась Натали.

– Точно. Вы все видели фотографии жертвы. Не позволим же мы этому ублюдку дрончить, вспоминая свои подвиги. А уж тем более повторить их.

Присутствующие согласно кивнули. Корсо подогревал свою публику:

– Так что начинаем расследование с нуля, задействуем все. Они опросили торговцев с улицы, где жила Нина? Мы потрянем весь квартал. Они проанализировали детализацию звонков за прошлый месяц? Мы запросим отчет за триместр. И так далее.

Людо поднял глаза от экрана компьютера:

– Какой предположительно профиль мы ищем?

– Все говорит за то, что убийство было преднамеренным. Возможно, преступник был знаком со своей жертвой – близко или нет.

– И за пятнадцать минут до смерти Нина была жива, – съязвил Людо.

Корсо не поддержал шутку:

– Надо искать среди ее окружения: близких или тех, с кем она просто сталкивалась во время выступлений или за сценой.

– Многовато...

– Именно поэтому нам следует отталкиваться от *ее собственного* расписания. Мерзавец выделил ее, и с самыми худшими намерениями. Этот парень мелькал в ее окружении, и мы должны установить его личность. Мы отматываем пленку назад, останавливаясь на каждом кадре.

Сыскари переглянулись: шикарная речуга, но по части работы это означает сотни часов изнурительного и нудного расследования. И наверняка впустую...

– Кто что делает? – вяло спросила Барби.

– Ты займешься распечатками, ее личными счетами, компьютером. Тщательно прошерсти всю переписку, контакты и все такое. Глянь вместе с нашими *гиками*¹⁸, можно ли восстановить уничтоженные файлы.

– Ее мобильного в вещдоках не было.

Корсо кивнул и уточнил:

– Труп был обнаженным, не обнаружили ни сумки, ни какой-либо другой личной вещи. Может, это пустяк или же, наоборот, знак, что убийца не хотел, чтобы мы добрались до ее записной книжки. Поэтому так и важны распечатки.

– Люди Борнека все это уже сделали.

– Я что, неясно выражаюсь? – Корсо повысил голос. – Если они ничего не нашли, это означает, что песчинка более мелкая или контакт более давнишний. Звони оператору и превзойди саму себя.

Затем он обратился к Натали, прислонившейся спиной к двери:

– Ты займешься торговцами, соседями, знакомыми. Потом расширишь круг: Нина была нудисткой, фанаткой йоги – ну, в общем, всякой такой хрени. Как знать? Может, наш убийца – нудист.

Шутка не удалась. Ну и ладно. Летучка ценна энергией, которую ты способен вдохнуть в свое войско.

– Одна деталь, – добавил он, по-прежнему глядя на Натали. – Мать отказалась от Софи Серей при рождении. Отыскать ее биологических родителей – задача невыполнимая, но Борнек сделал запрос, чтобы выявить приюты и приемные семьи, в которых она росла. Выясни, есть ли там что-нибудь интересное.

– Тебя интересует такая древняя история?

– Как знать! Возможно, все тянется из детства – к примеру, фрустрация какого-то другого брошенного ребенка.

Натали не шелохнулась. Измышления Корсо не вызвали у нее никаких эмоций.

Наконец Стефан повернулся в сторону Ландемера:

– Ты, Людо, обойдешь точки, где она работала, удостоверись, что среди тамошних посетителей нет чокнутых. Поднимешь историю всех ее *one shots*¹⁹. Она часто нанималась стриптизершей на один вечер в заведение или к частному клиенту. Ты можешь познакомиться с кучей народа... С другой стороны, попроси Кришну покопаться в картотеке SALVAC, чтобы узнать, бывали ли уже убийства, связанные с таким типом увечий или методом удушения.

– Борнек...

– Они запрашивали данные по Иль-де-Франс. Расширь поиски на всю территорию Франции. Поройся в предшествовавших цифровым картотекам бумажных архивах конторы. Опроси

¹⁸ *Гик* (англ. geek) – человек, чрезвычайно увлеченный чем-либо; фанат. Изначально «гиками» именовали людей, увлеченных высокими технологиями (обычно компьютерами и гаджетами).

¹⁹ Однократное появление исполнителя в программе (англ.).

старую гвардию. Покопайся в документах. Твою мать, подобные увечья – если такое уже случилось – вряд ли забудут!

Он все больше распалялся, но никто не реагировал. Его принимали таким, каков он есть, – *дико сварливым, вечно недовольным*.

– А сам-то ты? – наконец спросила Барби, единственная, кто мог позволить себе подобную провокацию.

– А я для начала отправлюсь полизать Борнеку зад, чтобы не настроить против нас половину личного состава. А потом займусь танцовщицами – на мою долю остаются коллеги и, так сказать, подружки Нины. По общему мнению, она, похоже, была самой крутой девичьей, но ни один свидетель не смог сообщить о ней ничего личного.

В любой другой группе сразу же посыпались бы шуточки насчет того, что лучшую работу – с девочками – шеф приберег для себя. Но с Корсо подобные разговоры не прокатывали. Впрочем, никому и в голову не пришло, что он мог бы позариться на вертлявые задницы танцовщиц. *В их конторе это было не принято*.

7

– Если ты думаешь, что вы справитесь лучше, чем мы, то сильно ошибаешься.

– Ничего я не думаю. Бомпар попросила меня принять эстафету. Я буду стараться, вот и все.

Патрик Борнек был среднего роста, толстый как бочонок и с приплюснутым носом. Сама его внешность говорила, что он готов взяться за любую работу. Он упорен, частенько ошибается, но извлек из своего опыта уроки и в конце концов стал перворазрядным дознавателем.

В карьере Борнек был полной противоположностью Корсо: никаких геройских поступков или мрачных годов, проведенных в самых опасных бригадах, просто медленное продвижение по административной части и поразительное терпение. По результатам раскрываемости люди Борнека могли не завидовать группе Корсо – они просто были не такие стремительные, не такие блистательные, не такие оригинальные.

Забавно, но Корсо и так досталось бы дело «Сквонка», потому что он должен был дежурить в тот день, когда обнаружили труп. Но его как раз вызвали к нотариусу, которому вспороли горло ножом для разрезания бумаги. Он быстро вычислил виновного – типа, лишеного наследства, который по-своему выразил недовольство, – и мог бы принять к расследованию убийство стриптизерши, но Катрин Бомпар предпочла передать и так уже получившее широкую огласку в средствах массовой информации дело Нины Вис неброской команде.

Борнек уселся за письменный стол. Шея сразу пропала, а лицо приняло насупленное выражение – этакий бык в загоне перед началом корриды.

– Ничего ты не найдешь, – повторил он. – Этот мерзавец не оставил ни малейшего следа. Никто не видел жертву в течение суток перед убийством. Никто не заметил ничего необычного в последние дни. Что же касается ее знакомых, то мы так трясли их, что они вправе предъявить гражданский иск и обвинить нас в преследовании.

– А что насчет нижнего белья?

– Узел, приведший к удушению, называется поводковым, или кнотовым, – это разновидность скользящего узла. Запястья и щиколотки связаны «восьмеркой». Морские фокусы. Но мы не стали обращаться в порты Гавра или Тулона... Хотя со скаутами консультировались.

– Почему со скаутами?

– Они профи по части узлов. Понимаешь, мы обнаружили...

– Техники связывания? – настаивал Корсо. – Возможно, Нина делала фотографии или вешивала в Сети клипы, встречалась с любителями БДСМ...

– Мы об этом думали. В ее компе нет никаких следов такой работы. Уж ты мне поверь, она по этой части была очень педантична. Прямо настоящая маленькая бакалейщица!²⁰ Мы и в этой среде порыскали, спрашивали совета у коллег из бригады по борьбе с сутенерством. Ничего примечательного.

– А увечья?

– Я тебя умоляю! Надрываться ради того, чтобы узнать, что парень пытался нарисовать на физиономии бедной девки? Еще чего! Придурок хотел изуродовать ее, и баста.

Борнек ошибался: расплосованный рот и камень в горле не были незначительными деталями. Убийца превратил лицо своей жертвы в настоящую картину, и, возможно, у этого кошмара есть исходный образец.

– Я обратил внимание на отсутствие повреждений, вызванных самообороной, – рискнул заметить Корсо.

– Ну и что? – вспыхнул Борнек. – Из этого ты делаешь вывод, что она знала своего убийцу, раз не проявила осторожность? Это все хрень для телесериалов. Еще никому не удавалось раскрыть дело по таким уликам. Возможно, он подстерег ее и сразу связал. Или накачал какой-то наркотой, которая не оставляет следов. Если только она не была так сильно напугана, что не могла шевельнуться. Мы никогда не узнаем, что произошло.

Корсо понимал, что Борнек отказывается от борьбы. А сам он здесь для того, чтобы продолжить ее.

– Я предполагал сосредоточиться на самой Нине...

– Видать, решил, что мы до этого не додумались? Можешь не сомневаться: мы все перерыли, все перевернули вверх дном. Поживиться нечем – ни по части убийства, ни по части жертвы.

– А как насчет ее детства?

– Ждем документов из Департамента социальной помощи детям, но ты ведь их знаешь...

Стефан подумал о том, что дало бы расследование, если бы в один прекрасный день его самого убили. Он тоже был ребенком на государственном обеспечении, регистрационный номер 6065. Ему дали эту фамилию, звучащую на итальянский лад, потому что родился он в Ницце, в нескольких километрах от границы.

Что могли бы обнаружить сыщики, если бы проследили его жизнь начиная с детства, а потом и юность? Названия приютов, фамилии приемных родителей, но, уж конечно, не скрытый разлад в душе, выковавший его личность. Не те теневые стороны, которые сделали из него полного противоречий и тайн человека без адреса и имени²¹. Эта мысль подала ему надежду. У Софи Серей непременно были свои секреты...

Борнек поднялся из-за стола и, сунув руки в карманы, встал у окна:

– Это назначение...

– Не называй так.

– Но так и есть. Это назначение вроде хорошей мастурбации. Унизительно, но в результате облегчает.

Удачная концовка.

Корсо поднялся и примирительно сказал:

– Мы сделаем работу, но ничего больше не найдем. Это всего лишь уступка публике и средствам массовой информации.

– Молчал бы лучше! – обернувшись к нему, бросил Борнек. – Знаю я тебя, Корсо. Ты убежден, что можешь сделать больше, чем мы. Ну что же, желаю удачи. А я уйду в отпуск.

²⁰ Возможно, это аллюзия автора на существующий интернет-магазин развлечений «Ma petite épicèter».

²¹ Пьеса Жан-Ива Руфа по повести Генри Мелвилла «Писец Бартлби».

По пути к себе в кабинет Корсо прошел мимо отдела по борьбе с наркотиками, где полицейские шумно обсуждали свои вчерашние подвиги. Он ускорил шаг, чтобы избежать встречи с ними.

– Майор Корсо!

Он обернулся и оказался лицом к лицу с журналистом, имя которого позабыл, хотя парень часто рыскал по коридорам судебной полиции. Корсо не испытывал никакой неприязни к болтунам-комментаторам – хотя они и мололи всякую ерунду, но не больше, чем какой-нибудь судья или адвокат. В отличие от своих коллег, он не считал их стервятниками. С этой точки зрения полицейские сами были охочи до падали, питаюсь кровью жертв.

Вытянув руку, парень шел прямо к нему. Корсо отделался кивком – он ненавидел рукопожатия.

– Не могли бы вы сказать мне несколько слов о ночной операции в квартале Пикассо?

– Я уже пять лет не работаю в отделе по борьбе с наркотиками.

Он вспомнил имя парня: Трепани. Или Тривари. Пару раз он уже отвечал на вопросы этого клоуна, которого выпученные глаза и щель между передними зубами делали похожим на персонажа «Тупых кроликов»²².

– Однако один повешенный, трое убитых и трое с огнестрельными ранениями – это уже не парижское предместье, а настоящий Хуарес или Меделин.

– Спросите у моих коллег.

– Я слышал, будто вы там выросли.

Бывает, журналисты знают о сыскарях больше, чем сама Главная инспекция национальной полиции Франции.

– Что вы думаете об изменениях в предместье? – продолжал тот.

– Если вам нужен пожарник-поджигатель, на меня не рассчитывайте. Я сохраняю оптимизм относительно изменений в предместьях. Большинство их обитателей честные и славные люди.

Журналист понимающе улыбнулся:

– В ваше время на фонарях не вешали.

У Корсо возникло желание ответить, что тогда существовали другие развлечения, преимущественно в подвалах. Но он вовремя сдержался.

– Главари банд пытаются посеять страх, – как можно спокойнее заметил он. – Но им это не удастся. Повторяю, они представляют лишь ничтожный процент населения предместий, а полиция для того и существует, чтобы обнаружить и арестовать их. Пора перестать относиться к предместьям с пренебрежением.

Сам он не верил ни единому слову из подобных политкорректных разглагольствований. Его настоящие воспоминания о комплексе Пикассо: соседи спускают на него своего пса за то, что он слишком громко включает музыку; вместо того чтобы делать уроки, мальчишки из его высотки мочатся в почтовые ящики; члены его собственной приемной семьи звонят в полицию, чтобы донести на беспаспортного жильца своего дома... И отбросы на каждом этаже.

– Как остановить это засилье... паршивых овец?

– Арестовать всех и лишиться возможности причинять вред, вот и все. Твою мать, надо их всех загнать в клетку!

В гневе он кусал губы. *Браво, Корсо. Схватить за ноги – да башкой о стену.*

– Для парня, вышедшего из предместий, вы не слишком к ним милосердны.

– Я не милосерден именно потому, что сам оттуда.

С этими фашистскими словами он, проклиная самого себя, вошел в свой кабинет. Никто не знал, что это он накануне стрелял по дилерам, так надо же было ему ввязаться в драку и

²² Видеоигра «Lapins Cretins».

выстрелить по-другому – фразами, которые будут многократно подхвачены средствами массовой информации, в социальных сетях, политиками всех мастей... И каждый использует их по-своему.

Едва Корсо укрылся в кабинете, как в дверь постучали. На пороге стояла Барби, напоминавшая вымокшую под дождем черную кошку.

– Я нашла наваши, тебя это интересует?

– Чего?

– Мастера сибари, японского искусства связывания.

Эмилия часто говорила ему про эту темную науку на грани между эротикой и эстетством. Про искусство стягивать женщин путами наподобие колбас, но с осторожностью и строгим соблюдением правил.

– Борнек уже прошупал этот след...

– Он посетил пару-тройку парижских клубов садо-мазо. А я тебе говорю про настоящего учителя.

– Он японец?

– Нет, парижанин. Организует семинары, шоу, лекции.

– А где проживает?

– В Шестнадцатом округе. Съездим туда?

Корсо бросил взгляд на часы: еще нет одиннадцати.

– Берем мою тачку.

8

Барби настояла, что сама сядет за руль. И пока они ехали вдоль набережных, пустилась в рассуждения о сибари. Как ни странно, она, похоже, хорошо знала этого Матье Верана, однако не было никакой возможности понять, является ли она сама сторонницей таких практик.

Корсо иногда задавался вопросом о том, что в сексуальном плане заводит Барби. Зато он был твердо убежден, что больше всего на свете ей нравится проникать в темные зоны человеческой психики, рискуя порой задержаться там на некоторое время. Она считала себя кем-то вроде «репортера души».

– У этого твоего кадра есть профессия?

– Он финансист. Руководит страховым фондом азиатских инвесторов. Работает в Париже, Гонконге и Токио.

– А семья?

– Жена и двое детей, мне кажется. Но все это, разумеется, после искусства связывания, его единственной страсти. Он зарабатывает деньги, кормит семью, действует как любой другой банкир, но между этой реальностью и тем, от чего он по-настоящему тащится, существует невидимая стена.

– И где же ты с ним познакомилась?

– Когда я служила в бригаде по борьбе с сутенерством, нас однажды вызвали на несчастный случай. Сеанс сибари плохо закончился: какая-то тетка сорвалась с потолка и разбилась насмерть.

Ситуация насмешила Корсо – он едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Хотя июльское солнце натывало на каменные стены, его свет был таким ласковым, приглушенным редкими облачками, что казалось, будто оно шепотом любезничает с городом. Весь квартал находился под его чарами.

– Он был мастером церемонии?

– Нет. Я консультировалась с ним как со специалистом, чтобы просечь, была ли в этом инциденте вина... того, кто связывал.

– А сама-то ты пробовала? – как бы невзначай бросил он.

Барби только хихикнула, еще крепче вцепившись своими тонюсенькими ручонками в казавшийся огромным по сравнению с ними руль.

Когда они проезжали мимо Гран-Пале в сторону Эйфелевой башни, наступила тишина: ни сирен, ни мигалок, только странная парочка в выдавшем виды черном «фольксвагене-поло».

Корсо впал в задумчивость. Сдерживание, тайное оружие желаний... Сам он частенько связывал Эмилию (довольно грубо и поспешно), когда она соглашалась поиграть в поруганную девственницу, взятую в плен грязным сыщиком, человеком в черном... Со своей бывшей супругой Стефан познал те темные и ослепительные моменты, когда наслаждение поднимается, словно ртуть в перегревшемся термометре. Ему в голову пришла мысль о частицах, движущихся почти со скоростью света. Приблизившись к этому пределу, они укрупняются, становятся чистой энергией, превращаются в нечто другое. То же самое происходило с Эмилией: извиваясь в своих путях, она, казалось, увеличивалась, делаясь похожей на светящееся пятно, настоящий сгусток страдания, грозящего самому Стефану взрывом...

Чтобы прогнать эти воспоминания, Корсо выпрямился на сиденье. Он никогда не пытался найти подобное наслаждение с другими. В его личной истории это было чем-то вроде пробоины, которую он старался скорей законопатить при помощи забвения, работы, ненависти и – почему бы и нет? – проявлений жестокости, вплоть до убийства. Однако ему никак не удавалось избавиться от одного вопроса: неужели он такой же порочный, как Эмилия? Или даже хуже: он лицемер, а вот бывшая – та полностью смирилась со своей природой?

Мост Гренель. Барби свернула направо, пересекла Сену, проехала мимо Дома радио, чтобы попасть на улицу Гро. И они тотчас оказались в путанице Шестнадцатого округа, среди улиц с односторонним движением.

Матье Веран жил на улице Доктора Бланша. Это название звучало зловеще для каждого полицейского. Именно здесь 14 января 1986 года проведенная при участии бригады по борьбе с бандитизмом и бригады быстрого реагирования полицейская операция положила конец Банде Притворщиков (банк располагался в доме под номером тридцать девять). Однако она завершилась поражением: трупы на тротуаре, бегство налетчиков, взятие заложников, а затем и историческое недовольство полицией и требование отстранения от должности комиссара, признанного виновным в бойне.

Дом девятнадцать ничем не отличался от других простых и строгих зданий, появившихся в Париже, в частности в Шестнадцатом округе, в пятидесятые-шестидесятые годы. Открытый двор за невысокой оградой представлял удивленному взгляду две достопримечательности: выложенный бирюзовой керамической плиткой бассейн причудливой формы и фонтан-скульптуру из черной пластмассы в виде боксерской перчатки.

Корсо обожал такие детали, отдающие модернизмом былых времен. Он поднял взгляд на здание: двенадцать этажей, с полсотни квартир, стиснутых, как кубики сахара в прямоугольной коробке. Высокомерно застывшее строение, равнодушно вззирающее на окрестные дома.

Они переступили порог. Самое прекрасное предстало перед их глазами внутри. Просторный вестибюль целиком выходил на сады, так что создавалось впечатление, будто здание парит над пустотой. Все здесь переливалось: входные стеклянные двери отражались в тех, что вели в парк, в сверкающем мраморе пола, в почтовых ящиках из полированного алюминия...

Странным образом эта картинка показалась Корсо добрым предзнаменованием: такое изящество, такая прозрачность просто обязаны были даровать им откровение – просвет во мраке.

9

Матье Веран оказался высоким длинноногим мужчиной примерно пятидесяти лет. Волосы с проседью, костистое лицо, весь словно на шарнирах. Глаза навывкате – жадные, внимательные. Уголки полных губ казались растянутыми до ушей в судорожном оскале. Еще ужаснее это лицо делалось, когда он смеялся: тогда свирепо и плотоядно обнажались оба ряда лошадиных зубов.

Корсо всегда ощущал беспокойство, когда видел такие вот лица, выдающие род занятий человека. Он знал, что не стоит доверять первому впечатлению, однако ему нравилось, когда оно подтверждалось.

У Матье Верана была физиономия сатира.

Он пригласил их в просторную комнату с низким потолком и оштукатуренными стенами. Казалось, обстановка не менялась с шестидесятых годов, но Корсо догадывался, что все предметы здесь подлинные и приобретены за баснословные деньги. Словно в подтверждение ценности мебелировки, напротив огромного окна во всю стену красовалось полотно Жана Арпа.

Единственная деталь не соответствовала этой стройной системе: утонувшая в глубоком желтом кресле в форме тюльпана японка лет двадцати с рюкзаком «Eastpak» на коленях. Не то чтобы хорошенькая или кокетливая, она походила на лицеистку, не единожды остававшуюся на второй год.

Она сосредоточилась на своем телефоне – можно было различить гнусавые голоса персонажей какой-то игры – и даже не удосужилась поднять на пришедших глаза. А Веран не счел нужным представить ее своим гостям.

– Чем могу быть вам полезен? – спросил он, усевшись на обитый красной кожей диван.

Полицейские устроились в креслах, имеющих форму яйца²³.

– Вы слышали об убийстве стриптизерши Нины Вис?

– Разумеется, – подтвердил Веран, непринужденно положив ногу на ногу и стряхивая с брюк пылинку. – И заведение это я знаю.

Раскованность, беспечность: Веран попросту уделил им минутку.

– Мы не предоставили прессе фотографии трупа. Жертва была особым способом связана при помощи собственного нижнего белья.

Барби уже достала снимки с места преступления и, словно пасьянс, разложила на низком столике.

Веран склонился вперед и невозмутимо принялся разглядывать их. На его изборожденном шрамами лице не появилось даже признака волнения. Корсо хотелось бы посмотреть на него в деле, с этими метрами веревок и хлыстом, щелкающим по обнаженным телам подвешенных женщин.

Наконец наваши снял ногу с колена и по одной взял фотографии со стола.

– Вам это что-нибудь говорит?

На его лице возникло сладострастное выражение, которое еще больше подчеркивали полные губы. Полностью поглощенная своим мобильником японка по-прежнему сидела в углу – оттуда все так же доносилось назойливое жужжание игры.

– Пожалуй, похоже на одно из самых опасных положений сибари: *шииро такате коте сибари тури*.

– В чем оно заключается?

²³ Имеется в виду кресло «Egg Chair» дизайнера Арне Якобсена. Занимает особое место в ряду культовой дизайнерской мебели XX в.

– Руки партнерши связывают за спиной и подвешивают ее в этом состоянии. Также можно соединить щиколотки и запястья, как на ваших снимках. Разумеется, ее страхуют, иначе конечности не выдержали бы веса тела.

– Рассмотрите внимательно узлы. Что вы можете о них сказать?

– Это *мусубиме*, «закрытые узлы». Пожалуй, редкие в мире сибари. Слишком опасные.

– Простите, я не понимаю.

– Закрытый узел трудно развязать. Чем активнее двигается связанный человек, тем сильнее затягивается петля. С открытым же узлом, наоборот, легко справиться, стоит только потянуть за концы веревки.

– Существует ли практика, в которой прибегают к закрытым узлам?

Веран пожал плечами:

– Это, пожалуй, отсылает нас к гораздо более древней технике, появившейся в Японии в пятнадцатом веке. В то время манера связывания пленника представляла собой подлинный способ объяснения. Каждому преступлению соответствовала специфическая методика. Взглянув на истязаемого, можно было догадаться, в чем его вина. Такое военное искусство применяли самураи и законники. Оно называется *дзайдзин сибари* или «сибари преступников».

Корсо краем глаза следил за Барби: она слушала, не сводя с Верана восторженного взгляда. Столь явное восхищение разозлило его, тем более что они что-то уж слишком удалились от дела.

– Позже, – продолжал наваши, – в эпоху Эдо, эти техники стали использовать для наслаждения. Связывание превратилось в чисто эстетическую дисциплину, вроде искусства каллиграфии или чайной церемонии. В семнадцатом веке существовало больше полутора сотен разных школ...

Корсо прервал его экскурс в историю:

– По-вашему, убийца владеет какими-то начальными навыками одной из этих техник?

– В наше время, для того чтобы умело связать свою партнершу, достаточно справиться в Интернете.

Сыщике пришла в голову другая мысль:

– Согласно теории вашей старинной техники, в прежние времена каждый способ обозначал определенное преступление. Можно ли соотнести манеру, которой была связана наша жертва, с какой-то провинностью, каким-то наказуемым актом?

– Вот уж не знаю. Для этого следовало бы заглянуть в исторические труды... Однако могу сказать, что речь идет, похоже, о смертной казни. Какова бы ни была школа сибари, связывание запястий пленника за спиной и соединение их со щиколотками представляет собой один из самых мучительных приемов. И в наши дни не так уж много случаев подобных безудержных фантазий и...

Веран умолк. Его внимание неожиданно привлекла какая-то деталь на одной из фотографий. Одной рукой он снова поднес снимок к глазам, а другой вытащил из нагрудного кармана очки.

– Сразу не заметил... – пробормотал он, водружая их на нос. – Этот необычный узел восьмеркой...

– Можете объяснить, что вас насторожило?

Он, как выпь, поднял голову и жеманным движением снял очки:

– Узел, на который я обратил внимание, имеет форму лежащей восьмерки.

Не выпуская из рук фотографии, он обвел линии связывания дужкой черепаховой оправы:

– Так вот, если вы хорошенько приглядитесь, то увидите, что здесь была начата другая восьмерка, открытая...

Он протянул снимок Корсо, и тот действительно заметил, что в продолжении узла, стягивающего запястья, намечался другой, который остался как бы незавершенным.

– Что, по-вашему, это означает?

– Можно всякое предположить, но лежащая восьмерка является символом бесконечности. Это все знают... Так вот, в данном случае вторая восьмерка как будто требует продолжения. Не стану давать чересчур надуманные пояснения, но полагаю, что убийца хочет сказать нам две вещи: с одной стороны, серия убийств только началась, а с другой – никто не сможет остановить его...

Вот так новость! Корсо чуть было не рассказал Верану про Базза Лайтера из «Истории игрушек», которую смотрел вместе с Тедди: «В бесконечность и дальше...»

– Вы знаете эту женщину? – спросил Стефан, показывая наваши фотографию Нины Вис в своем мобильнике.

– Это жертва, да? Я видел ее лицо на фотографиях.

– А еще где? В каком-нибудь клубе или в классе сибари?

– Нет.

Сыщик убрал телефон в карман.

– Могли бы вы дать нам список клубов, где занимаются такими... практиками? В Париже.

– Разумеется. Их не много.

– Благодарю вас, – поднимаясь с кресла, сказал Корсо.

Барби тоже встала.

Матье Веран поднялся с дивана. Японка в своем углу по-прежнему не шевелилась. Корсо ощущал, что между этой парой существует какая-то связь: тайная и невыразимая, но гораздо более значительная, чем все, что было произнесено вслух.

Сыщик попытался завершить визит на более непринужденной ноте:

– Похоже, ваша подружка не слишком довольна, – сказал он, кивнув в сторону нимфетки *отаку*²⁴.

– Она не подружка.

– Можно подумать, она на вас сердится. Слишком сильно стянули или что?

Вместо ответа на его пошлые рассуждения Веран снисходительно улыбнулся, отчего его черты как будто слегка смягчились, но не глаза, – выпуклые, ледяные, они придавали лицу мастера сибари зверское выражение.

– Она дуется, потому что вчера я слишком сильно отхлестал ее.

– Ой-ой-ой! – отреагировал Корсо, вяло пытаясь пошутить.

Улыбка Верана сделалась еще более презрительной – прямо-таки маркиз де Сад перед стражниками Бастилии.

– Ей было больно, но на самом-то деле именно этого она от меня ждет.

Похоже, Веран принимает его за полного идиота. Но Корсо кивнул, как если бы действительно согласился играть эту роль.

Оказавшись во дворе, он остановился возле скульптуры из черной полиэфирной смолы. Около часу дня – солнце уже поднялось высоко, но особой жары не было. Лето, царящее под сенью деревьев этих прекрасных кварталов, наполняло его непривычной меланхолией.

– Мне очень жаль, – пробормотала Барби. – Я думала, наша встреча будет более... продуктивной.

– Я никаких чудес не ожидал. И все же придется как следует проверить любителей сибари.

– Возвращаемся в контору?

²⁴ *Отаку* (яп.) – человек, который увлекается чем-либо. За пределами Японии, в том числе и в России, обычно употребляется по отношению к фанатам аниме и манги.

- Ты – да. Вызови «Uber».
- А ты?
- У меня встреча, – кратко ответил он. – Это личное.

10

Контора адвоката Карины Жано занимала просторную квартиру на улице Сен-Филипп-дю-Руль в Восьмом округе. Корсо чувствовал себя здесь неловко: его трехдневная щетина, всклокоченные волосы и потертая куртка не соответствовали дизайнерской обстановке приемной.

Он ждал уже десять минут, но это его не беспокоило. Зато он мог поразмышлять о долгом пути, приведшем его сюда, в это простое красное кресло.

У Корсо всегда были проблемы с женщинами вообще и с сексом в частности. Восемь лет сеансов психоанализа не позволили ему четко определить причину, однако на этот счет у него имелось свое мнение. Благодаря превратностям судьбы ребенка, находящегося на попечении Департамента социальной помощи детям, его последовательно помещали в католические приемные семьи, где женщина старалась держаться подальше от секса, а мужчина страдал от воздержания. Такое воспитание не предполагало ничего тиранического, никаких ханжеских бесед или истерических наставлений, однако сигнал был послан. Когда у маленького Корсо случились первые поллюции и он впервые испытал желание, он делал все, чтобы обуздать его. Тщетно.

И тогда – такова его собственная версия событий – он безотчетно ополчился на сам объект вождения: на женщину. Он почувствовал, что в мире вымысла его привлекает все, что могло бы унижить, подвергнуть опасности, обидеть девушку. Эротические видео, фильмы ужасов, готические сказки – вот что возбуждало Стефана.

Все происходило на уровне фантазий, и в реальной жизни он не испытывал никаких трудностей. Однако он никогда не признался бы своим друзьям, что их рассказы о первых робких школьных влюбленностях или про то, как они трахались в подвалах, оставляют его совершенно равнодушным. Постепенно глубинное, но классическое раздвоение личности разнесло ему мозг надвое – если не сказать иначе: он не мог вождеть тех, кого любил, а возбуждали его как раз те, кого он презирал.

Истина оказалась гораздо сложнее. То, что его волновало, представляло собой профанацию целомудренно любимого им образа. Возвышенную, чистую и невинную женщину, которую раздевают, насилуют, унижают. Женщину, которую развращают при помощи того, что есть самого худшего в себе.

Затем реальность вознамерилась перенаправить его. Он увлекся дурью. У него появился *Мамаша*, его дилер и ментор. Его тюрьма... За несколько граммов герыча *Мамаша* превратил его в своего сексуального раба. Так что для возвращения Корсо к жизни потребовалось, чтобы Катрин Бомпар, его Голубая Фея, обнаружила его, залитого кровью, в подвале (с трупом *Мамаши* у ног). «Крестная» заставила его пройти через Общество анонимных наркоманов, вернуться в лицей, а потом поступить в школу полиции.

Постепенно он нашел выход своей уязвимой и желанной сексуальности. Девственницы, покусанные вампирами, изнасилованные ковбоями юные девы, одержимые сериалами про убийц тинейджеры... Все это было не так уж опасно – все это происходило у него в уме.

Пока он не встретил Эмилию.

Избитая мужем, она принесла заявление в центральный комиссариат Четырнадцатого округа, где подходил к концу срок военной службы Корсо, двадцати семи лет от роду. Он

сдался, едва увидав ее кроткое лицо и скромный облик учительницы из амишей²⁵, даже не успев осознать, что перед ним воплощение его фантазий, развращенный ангел.

Он тщательно провел расследование, постаравшись обнаружить лучший угол нападения. Но не нашел его. Эмилия, болгарка по происхождению, выучила французский в своем родном городе Сливене и достигла такого совершенства владения языком, что прошла конкурс и поступила в парижский Институт политических исследований. Блестяще окончив его, она зарекомендовала себя с лучшей стороны в различных министерских кабинетах. Пути Эмилии и Корсо никак не должны были пересечься: она вращалась в высших кругах, он шатался по улицам.

Ему пришлось довольствоваться тем, что он делал лучше всего: сыщик ночи напролет сидел в засаде перед домиком Эмилии на авеню Дюнуа, в Кашане. Как это ни печально, но он ждал – и даже надеялся, – что муж опять нападет на нее и тогда он сможет вмешаться и поиграть в героя.

Шли недели. Корсо уже подумывал, уж не исправился ли ее зверюга, когда в День святого Валентина его настойчивость была вознаграждена. Крики, удары, хлопающие двери. Затем муж прыгает в машину и исчезает в темноте. Полицейский тут же позвонил в дверь. Никакого ответа. Он мгновенно справился с засовом на воротах и обнаружил Эмилию висящей на турнике, установленном ее мужем внутри дверной коробки ванной комнаты. Эмилия была раздета донага, а ее тело являло собой ужасную картину побоев и пыток.

Неотложка. Реанимация. Выздоровление. Корсо арестовал «умельца» и исполнил свою роль по всем правилам, лично проследив, чтобы тот не получил никаких поблажек от судьбы. Полицейский разбился в лепешку, чтобы арестант провел срок предварительного заключения в худшем блоке тюрьмы Флэри и чтобы все вокруг знали, за что он туда попал. И напоследок Корсо удостоверился, что дни мерзавца проходят между полицейской «обработкой» и допросами. Настоящая школа жизни.

Одновременно он с букетом в руках регулярно навещал Эмилию в больнице и занимался подготовкой документов, необходимых для ее развода. Она оправилась от побоев и приняла его ухаживания. Благодаря выказанным им несовременным знакам внимания ему удалось приручить ее... физически.

И тогда он познал власть болгарки. Оставаясь бесплотной женщиной, вызывавшей его восхищение, она смогла увести его в мир, где он впервые в жизни отважился высвободить свои самые отвратительные и жестокие желания. Ему было дозволено совершать надругательства над ней, унижать ее, осквернять – но никто из них двоих не выходил замаранным из этого ночного дивертисмента. Эмилия обладала способностью быть одновременно совершенно разной: оставаться любимой женщиной, вне всяких подозрений, и тут же соглашаться на самые непристойные сексуальные игры. Но – внимание! – при этом всегда делала вид, что отвергает их. И в этом состояло особое наслаждение.

Корсо был на вершине блаженства. Он обрел сексуальную партнершу, о которой не смел даже мечтать, которая могла изображать одновременно и мамочку, и шлюху, а главное – *мамочку, вынужденную изображать шлюху*. Ту, кто избавит его от стыда, фрустраций и угрызений совести.

Он ошибался. Он думал, что использует Эмилию, но это она манипулировала им. Болгарка эксплуатировала его неврозы, его страхи и грехи, черпая наслаждение в мучениях Корсо.

И хотела еще большего.

То, что он принимал за вершину порочности, представляло для нее всего лишь заправку. Только тогда он понял, насколько она опасна. Заодно он узнал правду о ее прежней семей-

²⁵ Амиши – религиозное движение, представители которого отличаются простотой жизни и одежды. В настоящее время большинство амишей проживают в США и Канаде.

ной жизни. Жестокий супруг, мерзавец, которому Корсо вознамерился испортить жизнь после выхода из тюрьмы (испытательный срок под постоянным наблюдением с отметками в полиции, непрерывная тайная подрывная деятельность, когда парень искал работу, постоянные угрозы...), сам оказался жертвой. Законный муж вынужден был утолять бешеные сексуальные потребности зарвавшейся болгарки. Она сама требовала, чтобы он избивал ее, прижигал, подвешивал... Именно она вела в этом танце смерти.

К тому моменту они с Корсо уже поженились, и Эмилия была беременна. Ошеломленный Стефан не хотел смириться с тем, что их гнусные забавы могут дать жизнь ребенку. Когда же они его зачали? Когда она попросила, чтобы он трахнул ее на осколках битого стекла? Или когда ему пришлось войти в нее, одновременно осыпая градом ударов?

Он уговорил себя, что беременность успокоит Эмилию. Новая ошибка. Переполненная гормонами или чем там еще, она сделалась еще более порочной. Однажды он застал ее, когда она втыкала себе в живот иголки, и запер в спальне до новых распоряжений. Он лез из кожи вон, чтобы получить для нее дородовый отпуск по причине «патологии» (лучше не скажешь!), и ежедневно ходил молиться в церковь. В отвращении и ужасе он опасался, что судьба их сына predetermined – оба его родителя всего лишь двое извращенных безумцев.

Но когда родился Тедди, Корсо успокоился. Малыш был настоящим обещанием невинности, чистым листом. И задача Стефана – обеспечить ему самое сбалансированное воспитание и скрыть от мальчика чудовищную сущность его матери. Он поклялся себе, что останется с Эмилией до совершеннолетия Тедди и будет следить за извращенной тварью.

Шли годы. Корсо страдал, его брак потерпел крушение, но сын был счастлив. Жертва не задевала Стефана – он взял вину на себя, жил с постоянным ощущением беды и каждый день испытывал райское блаженство, с наслаждением наблюдая за тем, как хорошеет и развивается Тедди. Но этот обман в конце концов надоел Эмилиии. Однажды вечером, вернувшись домой, Корсо обнаружил, что из квартиры вывезена вся мебель. Болгарка переехала и все забрала, включая сына.

И сразу после ее бегства полиция арестовала Корсо по заявлению мадам о «побоях». Едва выпутавшись из этой сложной ситуации, он получил от Эмилиии просьбу о разводе. Тогда он ввязался в заведомо безнадежный бой, чтобы получить право основной опеки над ребенком.

– Господин Корсо?

Перед ним в роскошном небесно-голубом платье стояла мэтр Жано. Она ослепительно улыбалась ему леденящей душу улыбкой. Стефан в который раз поразился ее сходству с Эмилиией. Та же высокомерная красота, те же повадки недотроги, дающие тайную надежду на то, что она окажется самой распущенной девкой.

Он поднялся и кивнул в знак приветствия. Подхватывая портфель, он заметил, что на рукаве куртки осталась запекшаяся кровь – после вчерашнего побоища. Он машинально принялся соскребать ее следы ногтями, потом, чтобы завершить срочную чистку, стал тереть локтем. И все это с папкой под мышкой.

Скрестив руки на груди, адвокатесса удрученно следила за его действиями. По ее взгляду он представил себе весь тот путь, который ему предстоит пройти, чтобы убедить судью в том, что он соответствует профилю идеального отца.

Настоящая дорога на Голгофу.

11

– Я вам уже говорила, ваше досье никуда не годится.

Да что вы говорите? Кроме шуток? Корсо выбрал мэтра Жано именно по той причине, что один из его коллег из управления потерял во время развода все, так как она представляла

интересы его бывшей жены. «Сволоочь из сволочей», – охарактеризовал ее тот полицейский. Корсо как раз это и было нужно.

– Вы успели прочесть их требования? – продолжала она, усевшись за дубовое бюро с большим бюваром зеленой кожи.

– Конечно, – ответил он, раскрывая портфель. – Я прокомментировал каждый параграф и...

– По существу, что вы об этом думаете?

– Сплошная ложь.

– Вы можете это доказать?

– Конечно, я...

– У вас есть что-то, что могло бы представить ее в невыгодном свете?

Корсо заколебался. Кабинет адвоката был обставлен иначе, чем приемная. Старинная полированная мебель начала двадцатого века напоминала скорей поношенный пиджак нотариуса в пенсне.

– Имеются ли у вас какие-либо данные, характеризующие ее как плохую мать?

– Она худшая из всех, но я не стану использовать эту информацию.

– Почему?

– Ради сына.

– Он слишком мал, чтобы присутствовать на суде. И никогда не узнает о том, что говорилось на заседании.

– Мать покажет ему судебное решение, как только он немного повзрослеет. Или даже раньше. Я категорически против того, чтобы из-за меня у Тедди сложился плохой образ матери. Мне также не хотелось бы, чтобы он подумал, что я на нее нападаю.

– В таком случае не стоит и продолжать.

– Значит, так вы выполняете свою работу? Сразу сдаетесь?

Карина Жано поднялась, открыла окно и, прежде чем вернуться к бюро, спокойно прикурила сигарету. Она была хороша, презрительна, желанна.

– Надо ли напоминать вам о положении вещей? Ваша жена сбежала вместе с ребенком под предлогом того, что вы были жестоки, – это подтверждается заявлением от января две тысячи шестнадцатого. Теперь, при разводе, вы просите, чтобы суд назначил вас основным опекуном вашего девятилетнего сына. Вы не имеете ни малейшего шанса добиться этого.

– Ее жалоба – блеф. Можно ведь сменить точку зрения и сказать, что она покинула место проживания семьи и...

– Не важно, – бросила Жано, выпустив новый завиток дыма. – Проблема в том, что вы отец. Даже за поочередную опеку придется серьезно побороться.

– Мне говорили, что судьи теперь более снисходительны к отцам.

– Это не так. Большинство законников полагают, что, пока ребенок еще маленький, он должен оставаться с матерью. Даже если она работает, даже если у нее меньше времени заниматься ребенком, чем у бывшего супруга. И если уж говорить начистоту, даже если она объективно виновата. Мать всегда будет права, в отличие от отца. Это называется «правом по беременности».

Корсо поехал в кресле – Жано вслух говорила то, что с самого начала нашептывал ему какой-то тоненький голосок. Через открытое окно в комнату проникал шум улицы.

– Что же мы можем сделать?

– Повторяю вам: вывалить ее в грязь. Доказать, что она плохая мать и что ребенку угрожает опасность.

– Нет.

– В таком случае мы в тупике.

– Разве нельзя доказать мои достоинства как отца?

– В подобных делах решения принимаются не на основании списка в колонке пользы, а по колонке вреда. Перед судьями годами проходят мужчины и женщины, взаимно поносящие друг друга и обвиняющие в худших грехах. Если вы не принимаете условия игры, судья подумает, что ваша будущая бывшая и на сей раз говорит правду, а зато у вас против нее ничего нет.

Она снова поднялась с места, щелчком выбросила сигарету и закрыла окно.

– Давайте-ка посмотрим, как вас можно отстоять, – продолжала она, усаживаясь к письменному столу. – Мадам Корсо утверждает, что вы неоднократно изменяли ей...

– Она лжет.

– Можете это доказать?

– Нет. Но у нее нет доказательств. Она необоснованно обвиняет меня. Это так просто.

Адвокатесса улыбнулась – ее помада напоминала густые блестящие чернила, чудесным образом не стекающие с губ.

– Мне кажется, вы не понимаете, что представляет собой мадам Корсо.

– Я знаю ее, как никто.

– Я говорю о видимой стороне. Мадам Корсо прошла образцовый профессиональный путь. Она получила свои дипломы, сдав экзамены на чужом языке. Будучи натурализованной француженкой, она занимала пост в Министерстве сельского хозяйства, затем в Министерстве социальных дел. В настоящее время она второе лицо в государственном секретариате при министре образования. И безусловно, добьется еще большего.

– Ну и что?

– А то, что вы просто полицейский, майор.

– Один из лучших сыщиков криминальной полиции!

Мэтр Жано уперлась ладонями в бювар цвета бутылочного стекла. Ее покрытые лаком ногти наводили на мысль о кроваво-красном панцире какого-то ракообразного. Когда эта женщина находит время наводить красоту? Интересно, у нее дети есть? А муж? Кто возьмется изничтожить ее в тот день, когда она будет разводиться?

– Ваши профессиональные достоинства, Стефан, к делу не относятся, – смягчилась она, – а вот ваш послужной список... как бы это сказать... работает против вас...

– Ну-ну...

– За долгие годы своей полицейской карьеры вы работали в бригаде быстрого реагирования, боролись с сутенерством, потом с наркотиками... А это означает, что большую часть времени вы провели с хулиганами, извращенцами и наркодилерами.

– Не с ними, а в борьбе с ними.

– Это одно и то же. Вы существуете в токсичном мире. А теперь и того хуже – вы трудитесь в бригаде уголовного розыска. Вы постоянно имеете дело с убийцами.

Корсо сжался в кресле, словно ленивый лоботряс, отказывающийся говорить со своим преподаем. Последние слова адвокатессы подтвердили то, о чем он всегда думал: полицейские нужны, чтобы чистить выгребные ямы общества и обеспечивать покой порядочных людей. Благородное дело, которое, в свою очередь, превращает их самих в изгоев. Согласно всеобщему мнению, между сыщиками и преступниками существует тайное родство, *нечто вроде семьи*.

– Вы что, специально меня изводите?

– Я ставлю себя на место судьи. Совершенно естественно, что мы внимательно изучаем, кто вы такой, чем вы занимаетесь.

– Речь идет о том, какой я отец, и в этом смысле я делаю максимум...

– По словам мадам Корсо, вас никогда нет дома, у вас совершенно невозможный рабочий график.

– Это неправда. Вечером я всегда возвращаюсь не поздно – так, чтобы увидеть Тедди и поужинать с ним.

Адвокатесса рассмеялась. Почти с нежностью.

– В это никто не поверит. У хулиганов ненормированный рабочий день.
– В уголовном розыске у меня более упорядоченное расписание. Я больше не участвую ни в засадах, ни в захватах.

- Мадам Корсо говорит, что вы выпиваете.
- Стаканчик время от времени. Не больше нормы.
- Она также утверждает, что вы употребляете наркотики.

Корсо вздрогнул: его прошлое наркозависимого, убийство Мамаши, Анонимные наркоманы.

- Ложь.
- Неужели? – съязвила она. – Неужто ни одной дорожки хоть изредка?
- Я работал в бригаде по борьбе с наркотиками. Когда ночи напролет торчишь в засаде, чтобы прижать торговцев, иногда требуется что-то тонизирующее. Но все это в прошлом.

Жано открыла следующую страницу дела – она тоже выделила маркером некоторые абзацы.

- Ваша жена говорит, что вы вооружены и опасны.
- Если я вооружен, то для того, чтобы защищать невинных.
- Вы убивали пять раз. Ее адвокат раздобыла протоколы ваших подвигов. Это документы тридцать три, тридцать четыре, тридцать пять, сорок семь и шестьдесят три. Должна признать, она хорошо поработала.

Семь раз, милочка моя. В мозгу Корсо на мгновение мелькнул скошенный на парковке его пулей и рухнувший в багажник парень. И расколовшаяся о стену башка другого, изо рта которого вылетело легкое облачко порохового дыма.

– Исключительно при исполнении служебных обязанностей, – ответил он. – Так вопрос стоял: либо они, либо я. И это были наихудшие из убийц.

- Еще мадам Корсо упрекает вас в жестокости.
- Тоже ложь. Я никогда не поднял бы руку на кого бы то ни было.
- Ее адвокат приложила к делу жалобы подозреваемых, которые...
- Последние подонки! Черт меня побери, да вы вообще представляете, с кем я ежедневно имею дело? Вы что думаете? Что с этими ребятами достаточно просто поговорить по-хорошему, чтобы они сознались и выдали сообщников? Улица – это война. Моя жестокость общественно полезна. Однако в частной жизни я безопасен.

Адвокатесса торопливо что-то записала и продолжала:

– Однако имеется заявление, поданное четвертого января две тысячи шестнадцатого... Документ номер пятьдесят семь исковых требований. Эмилия Корсо на следующий день после инцидента посетила врача. Результаты медицинского осмотра свидетельствуют, что...

Отмахнувшись, Корсо остановил ее. На миг прикрыв глаза, он снова увидел тот роковой вечер, когда застал жену на месте преступления и впервые осознал, как далеко может зайти ее безумие, даже притом, что маленький Тедди спит в соседней комнате. В ту секунду он не хотел ее бить, ему необходимо было только помешать ей серьезно покалечиться.

- Она сама нанесла себе эти отметины.
- Вы хотите сказать, это самоистязание?
- Не в том смысле, как это принято понимать. Она...
- Я вас слушаю.
- Бросьте! – Корсо наклонился к бюро и услышал, как потрескивает деревянный стул. На лбу выступила испарина. – Я не пойду по этому пути. Найдите другое решение, чтобы я имел шанс выиграть процесс.

– Если вы не хотите обвинять вашего оппонента, покажите фокус: вытащите из шляпы какую-нибудь деталь, которая вознесла бы вас над прочими смертными.

Ему в голову внезапно пришла идея:

- Вы слышали про убийство стриптизерши? Вчера мне поручили вести расследование.
- Есть шансы, что вы арестуете убийцу?

Никаких улик, ничего, чем можно было бы поживиться, разговор с Борнеком, который разрушил все надежды, убийца, растворившийся среди многомиллионного населения Иль-де-Франс.

– Я его арестую.

– В таком случае, возможно, у вас все-таки есть шанс. Невозможно отказать герою. – Он уже поднялся со стула, когда она добавила: – И собирайте фактические материалы, свидетельствующие в вашу пользу. Предоставьте мне фотографии, сделанные в отпуске, видео каких-нибудь игр или занятий с сыном. Мне надо, чтобы там были вы оба.

– Это может оказаться полезным?

– Если вам удастся арестовать убийцу, это пойдет про запас.

12

Усевшись в машину, Корсо набрал номер Эмилии, чтобы узнать, во сколько он может заехать за сыном. Перечить ему было не в ее интересах.

– Чего ты хочешь? – спросила она, услышав его голос.

– Я звоню тебе, чтобы договориться на сегодняшний вечер.

– О чем ты?

Корсо выдохнул через нос – *только спокойно!*

– Во сколько я могу забрать Тедди?

В трубке послышался ее смех: приглушенный, ледяной, дробный. Смех, похожий на *private joke*²⁶.

– Ты так заработался, что даже не удосужился заглянуть в календарь.

– Не болтай ерунды, – прошипел он сквозь зубы. – Ты прекрасно знаешь, что у меня выходные.

– Сегодня первое июля, *дружок*. Начинаются летние каникулы. *Мои каникулы*. Ты увидишь Тедди только первого августа.

Как он мог забыть? Работа, тревога, а главное – невозможность жить такой жизнью, на поводу у этой психопатки. Корсо перестал слушать, но ее голос все еще доносился до него – голос, который когда-то заморозил его: медовый и при этом размеренный из-за славянского акцента.

– Сегодня вечером я ему позвоню.

– Не знаю, сможем ли мы тебе ответить. У него последний урок по фортепиано. Он очень устанет.

У Корсо было ощущение, что сердце поднялось к самому горлу и его стук отдается у него в ушах.

– Лучше бы я тебя...

– Да? – певуче промурлыкала она. – Ну же, продолжай, мой *дружок*... Скажи нам, на что ты способен...

Корсо запнулся, зная, что у нее наверняка включен диктофон. Подобные записи являются «незаконным способом доказательств», однако сам факт наличия в телефонном разговоре грубостей и оскорблений никогда не пойдет вам на пользу.

– Куда вы едете? – спросил он, проглотив готовые вырваться у него угрозы.

– Наше соглашение не предусматривает, что я должна информировать тебя о наших с сыном перемещениях.

²⁶ Шутка для своих (*англ.*).

Французский у нее был старомодный, манерный.

– Ты едешь в Болгарию? Чтобы покинуть страну, тебе необходимо мое согласие, ты...

– Главный полицейский собирается закрыть границы? – снова рассмеялась она.

Корсо так сильно прикусил нижнюю губу, что ощутил во рту вкус крови. Он провел по губам обшлагом рукава и потребовал:

– Позвони, когда вернешься.

Не дожидаясь ответа, Стефан нажал отбой и рванул с места так, что взвизгнули шины. Как всегда в момент крайнего раздражения, он включил сирену и домчался до дома 36, ни разу не прикоснувшись к педали тормоза.

Едва он поднялся на четвертый этаж, его поймала Барби:

– Не заглянешь ко мне? Кое-что есть.

Не разжимая челюстей, Корсо последовал за ней. Она делила тесный кабинет с Людовиком, но сейчас уроженца Тулузы на месте не было, и помещение было заполнено валяющимися повсюду, даже на полу, листингами. С детализациями звонков и банковскими выписками Барбара работала по старинке: распечатанные листы и маркер.

– Я изучила банковские выписки Нины за последние четыре года.

– Разве можно так углубиться?

– У меня свои приемчики.

– Ну и?..

– Я сравнила все перечисления или полученные чеки с ее декларациями о доходах с гонораров, чтобы узнать, не работала ли она где-то еще, кроме индустрии зрелищ, кино или аудиовизуальных записей.

Барби взяла в руки одну распечатку – из экономии она использовала лист с обеих сторон, сокращая размер шрифта на пятьдесят процентов (ее всерьез заботила экология). В результате колонки цифр делались совершенно нечитаемыми, так что разобраться в них могла только она.

– Я обнаружила как минимум два заведения, которые не подходят под эти категории. В феврале двенадцатого года Нина получила две тысячи двести евро от компании «Эдога». В мае тринадцатого – три тысячи от другой, «Компа». Обе закрылись вскоре после того, как нанимали ее.

– Чем они занимались?

– Услуги по цифровому кодированию и шифрованию.

– Нина обладала знаниями в этой области?

– Вовсе нет. Прежде чем заняться стриптизом, она получила диплом специалиста высшей категории в области менеджмента.

– Тогда что же она для них делала?

– Понятия не имею. У меня есть только след получения вознаграждения: ни корешка платежной квитанции, ни контракта – ни даже какого-нибудь контакта. Однако я откопала один интересный факт.

Корсо придвинул стул и уселся на него. Ему предстояло терпеливо проследить путь, проделанный Барби.

– Выйдя на сайты по ссылкам на них, я заметила, что у «Эдоги» и «Компы» совпадают ознакомительные демонстрационные тексты. *Совпадают в точности*, включая грамматические и орфографические ошибки.

– То есть это одни и те же ребята?

– Несомненно. Меня заинтриговало другое: по текстам можно понять, что обе конторы обладали правом производить закодированные программы, например фильмы...

– То есть возвращение к аудиовидео...

– Вот я и подумала, что, если бы эти ребята затеяли новое дело, они торговали бы своей продукцией по дешевке. Я провела поиск в обратном направлении, отталкиваясь от этих фраз

с орфографическими ошибками. На мой запрос базы данных предложили мне ООО, зарегистрированное в две тысячи пятнадцатом и в качестве названия имеющее аббревиатуру ОПА.

– У них есть сайт?

– Ничегошеньки. И, кроме этого дурацкого текста, ни слова в Сети. Но я бросила клич знакомым гикам, и мне удалось получить кое-какую информацию. На самом деле они не поставщики услуг. Единственные данные, которые эти ребята кодируют, – их собственные фильмы.

– Что за фильмы?

– Порнуха. Я бы даже добавила волшебное слово «гонзо».

Тенденция получила свое развитие в девяностые годы, после чего наводнила рынок до полного господства на нем. Название пошло от «гонзо-журнализма» семидесятых годов, когда репортер полностью погружался в материал, становясь одним из участников и героев своего сюжета.

В порнографии это означало, что «режиссер» снимает собственные утехы с камерой на плече и собственным членом в качестве *guest-star*²⁷. Никаких декораций, никакого сценария, никакого бюджета: только грубый секс. Благодаря нездоровой смеси банальности и крайне жестокого порно дешевый, плохо снятый при участии вашей соседки по лестничной площадке гонзо, вездесущий и бесстыдный секс нон-стоп, имел успех и приносил доход.

– Выходит, Нина по меньшей мере дважды в жизни снималась в гонзо?

– Можно сказать с уверенностью. И вполне вероятно, это всего лишь вершина айсберга.

Стриптизерша, снимающаяся в порнофильмах, не сенсация века, однако Борнек не нащупал эту нить.

– Твои компьютерные гении уже видели эти фильмы?

– Нет. Но слышаны о них. Из-за кодировки очень высокого уровня.

– Эти видео более известны своей кодировкой, чем содержанием?

– Да, можно и так сказать.

– Зачем кодировать фильмы, которые в один клик можно найти в Сети?

– Но только не эти. Чтобы посмотреть их, надо зарегистрироваться на анонимном сайте.

В мире, где все доступно, запретить означает разжечь желание.

– Но, расшифрованные, они сразу должны появиться онлайн, верно?

– Нет. Программа блокирует любое копирование, не допускает никакой пересылки. В противном случае даже тот, кто заплатил, теряет фильм.

Действительно, такие предосторожности были предприняты, чтобы пробудить любопытство.

– Что нам известно об этих фильмах?

– Похоже, это что-то очень и очень необычное.

– Противозаконное?

Барби неопределенно махнула рукой. Понятие легальности в области порнографии растяжимо – актеры всегда дают письменное согласие, что начисто исключает всякую возможность уголовного преследования.

Сыщица открыла папку: она уже успела распечатать целые страницы тэгов с сайта. Корсо выхватил несколько строк в перевернутом тексте. Ключевые слова давали надежду: «*ампутантка*», «*dwarf*», что значит «карлик», «*glory hole*», то есть «дырка счастья». Этим последним термином обозначают довольно необычную сексуальную практику: в перегородке, чаще всего в туалетной кабинке, имеется отверстие, куда любой мужчина может просунуть свой член. С другой стороны стены к дыре приникает какая-нибудь женщина.

²⁷ Приглашенная звезда (*англ.*).

– Кроме того, по словам моих приятелей, – продолжала Барби, – за этими заведениями якобы стоит некий гуру, по имени Ахтар Нур, который получил известность еще в девяностые, производя и распространяя специальную смазку, очень любившуюся жестким гомосекам.

– А потом стал продюсером?

– Если хочешь, да. Сперва он выкладывал в Сеть фильмы с «*goo girls*».

Еще один термин для ценителей: «гибкие девчонки». Акробатика та еще; тут не сразу разберешь, с какого конца на них смотреть.

– Потом Ахтар изобрел новый жанр, который он сам называет «биогонзо» или «органическое порно». Но с тех пор как он превратился в суперзашифрованного, чтобы смотреть его фильмы, необходимо быть членом клуба. По-моему, заглавные буквы «О» и «П» означают *органическое порно*. А последняя буква, «А», – просто инициал его имени, Ахтар.

– Этот красавец есть в картотеке?

– Нет. Он пакистанец или бенгалец, что-то вроде того. Иногда его можно обнаружить под фамилией Шафраз или Бухари. Его положение во Франции не очень понятно. Все свои клубы он организовал, используя подставных лиц. В настоящее время руководит чем-то вроде общины, где дозволены любые склонности. Сам он смешивает гонзо и тантрический секс под крепким соусом, чтобы, как обычно, достигнуть высочайшей кульминации.

Нина не только снялась в нескольких лентах Ахтара, она, возможно, тоже разделяла его идеи, отрицающие нормы морали. Сочетание «нудизм/стриптиз» вполне могло переродиться в «тантризм/гонзо».

– Барби, ты лучшая! – заявил Корсо, вставая со стула. – Где искать этого типа?

– Его штаб-квартира расположена на улице Паради. Адресок пришлю.

– Я из него кебаб сделаю.

13

Паркуясь, Корсо поклялся себе не изображать ни пуританина, ни поборника порнографии. Хотя он пока не знал, что такое «органическое порно», но в любом случае уже много чего повидал на своем веку. Он ничего не избежал за годы службы в бригаде по борьбе с сутенерством, прежде называвшейся полицией нравов. Были в его жизни и налеты на подпольные киностудии, где половину актерского состава представляли животные, и изъятые во время облав видеодиски, которые его коллеги смотрели с недоверием: двое мужчин, пожимающих друг другу руки внутри влагилица; и актриса Х, побившая все рекорды групповухи, отдавшись за один день почти тысячу раз; и другая чемпионка, способная стойко выдержать «тройное проникновение», но – внимание! – только анал. . .

Корсо прогнал эти воспоминания, он выкинул из своей жизни Эмилию, которая, хотя и в другом плане, тоже множила свои достижения. Он стремился лишь к покою, душевному равновесию, гармонии. . .

Производственные помещения компании «ОПА» располагались в одном из ветхих строений с внутренним двором, где прежде находились хрустальные мастерские или фарфоровая мануфактура. Разумеется, на первом этаже никакой таблички или иного упоминания о фирме по кодированию. Но Барби точно указала им местоположение: третий этаж, налево.

Корсо проскользнул в тень лестничной клетки, где в зарешеченной шахте царствовал огромный грузовой лифт, и, не зажигая света, поднялся по ступенькам. На третьем этаже он коротко позвонил в дверь – пока что он был просто посетителем. В течение минуты никакого шевеления. Он снова позвонил. Еще две минуты. Похоже, никого. Было три часа дня. Возможно, Ахтар в разъездах. Однако инстинкт подсказывал полицейскому подождать еще немного.

Наконец на пороге появился человек с очень темной кожей и прилизанными волосами. Босоногий, одетый в белую тунику и пижамные штаны, в темноте коридора он казался призраком. Здесь явно жили за закрытыми ставнями.

– Господин Ахтар Нур?

Человек принялся покачивать головой из стороны в сторону. Корсо показал полицейский значок.

– Я могу войти?

Ахтар посторонился, чтобы пропустить его. Корсо разглядел гуру тантрического секса вблизи: морщинистая кожа, волосы напомаженные, но растрепанные: похоже, тот только что пробудился после сиесты.

В темноте проступали очертания большой комнаты, обставленной на восточный манер: на полу ковер, стены в драпировке, мебель без ножек – словно бы для того, чтобы жить исключительно впрысдку. Сильно пахло карри и еще какими-то специями.

– Хотите *chai*? – неожиданно высоким голосом спросил хозяин, кокетливо приглаживая волосы.

В ответ Корсо только отрицательно покачал головой. Сделав еще несколько шагов, он заметил в углу стол с выстроившимися на нем в ряд включенными компьютерами. Они были единственным источником света, но на мониторах застыли только неподвижные тусклые картинки. Корсо пересмотрел свое мнение: он застал Ахтара не во время дневного сна, а в самый разгар работы.

И прежде чем открыть ему дверь, индус успел закодировать каждый экран.

– Я вам помешал?

– Кое-какой просроченный монтаж. – Индус засмеялся, извиняющимся жестом сложив руки. – Вас не затруднит разуться?

Корсо сделал вид, что не услышал. Его одолевало все более сильное раздражение. Он не сводил взгляда с изливавших белесый свет закодированных экранов.

– Вы уверены, что не хотите *chai*? Или *sandesh*? Это такие бенгальские пирожки, которые...

– Брось болтать, Ахтар! – резко перебил индуса Корсо, встав прямо перед ним.

Полицейский уже отказался от своих добрых намерений. Тяжким будет это пробуждение для тантрического гуру.

14

– Покажи-ка мне, над чем ты трудишься...

– Никак не могу, это конфиденциально.

В полумраке черное с красноватым отливом лицо Ахтара напоминало блестящий панцирь крупного скарабея.

– Тебе следовало бы знать, что для полиции ничего конфиденциального не существует, – сказал Корсо, толкнув его в кресло на колесиках, стоящее рядом с монтажным столом.

– Все закодировано, я...

– Поясни-ка мне, что тут за картинка, Ахтар, – приказал полицейский, опершись обеими руками на его плечи. – Бояться тебе нечего. Я еще и не такое видал. Разве что бизнес у тебя нелегальный.

– Что вы, ни в коем случае! Моя компания...

– Коды!

Стоя позади продюсера, Корсо достал «зиг-зауэр», подал пулю в патронник и приставил оружие к уху Ахтара.

– Начинай с первого экрана слева. Если попытаешься что-то стереть, снесу тебе башку.

Индуc непроизвольно втянул голову в плечи и дрожащими пальцами защелкал по клавиатуре. Рябь на мониторе сменилась отчетливой картинкой. Не стоило искать лица. Корсо увидел два пениса в одном и том же влагалище и кулак, шурующийся в анусе. Тонкая полоска плоти между двумя отверстиями, казалось, вот-вот треснет.

– Мы работаем крупным планом, – пробормотал Ахтар. – Спрос становится все более и более требовательным, и нам приходится проявлять чудеса воображения...

«Чудеса» Ахтара как-то странно пахивали. Это было похоже скорей на хирургическую операцию. Все органы прошли тщательнейшую эпиляцию. Ни волосинки в поле зрения.

Камера сменила угол, и Корсо отметил, что и черепа у всех участников сцены бритые. Будто в черной версии балета *буто*²⁸.

Жестко, грубо, но пока ничего уголовно наказуемого.

– Второй экран.

– Не понимаю, чего...

– Шевелись, Ахтар. Не испытывай моего терпения.

Появилась новая картинка. *Throat gagger*. Сексуальный кляп. Мужчина двумя руками открывает стоящей на коленях женщине рот и плюет туда. Спустя мгновение он грубо засовывает туда свой член и принимается совершать неистовые фрикции. Невыносимое зрелище. Пенис, с глухим звуком, словно поршень,двигающийся в глубине глотки. Хрипы и икота женщины. Слезы, слюна, блевотина...

– Все симулировано, – попытался объяснить Ахтар, беспокойно мечась в кресле.

– Твои актрисы играют чертовски правдоподобно.

Женщина пыталась закричать, но член буквально душил ее.

Отвратительно, но по-прежнему ничего противозаконного.

– Закон рынка, – в свое оправдание пробормотал индуc. – Мы всего лишь реагируем на спрос...

– Третий монитор, Ахтар.

Продюсер лихорадочно забарабанил по клавишам. Корсо видел, как по его затылку струится пот. Если только это не бриллиантин, тающий на горячем черепе Нура...

Пальцы, сжимающие кастет, со всей силы бьют по лицу привязанную к косому андреевскому кресту женщину. Стальные кольца рвут кожу, обнажают мышцы, ломают кости. Потерявшая сознание девушка больше не реагирует на прямые удары, превращающие ее лицо в кровавое месиво.

– Так вот, Ахтар, – просипел Корсо, у которого мгновенно пересохло в горле, – все это потянет на арест и заключение под стражу в установленном законом порядке.

Индуc выскочил из кресла и развернулся к полицейскому, внезапно перейдя в наступление:

– Да кто вы такой? Чего вы хотите? – Теперь он уже не ворковал, как прежде, а его акцент чудесным образом исчез. – Я знаю свои права. Статья первая закона от двадцать первого июня две тысячи четвертого. В ней говорится о том, что «коммуникация через электронные средства связи является независимой, что дает Интернету гарантии, предоставленные печатной и аудиовизуальной прессе относительно свободы выражения. Осуществление этой свободы может быть ограничено только в соответствии с уважением человеческого достоинства, охраной общественного порядка и защитой детей и подростков».

Пряча оружие в кобуру, Корсо улыбнулся:

²⁸ *Буто* – авангардный стиль современного танца, возникший в Японии после Второй мировой войны. Своим возникновением *буто* обязан начавшейся в 1961 г. деятельности коллектива под руководством хореографа Тацуми Хидзиката, называвшегося «Танец тьмы». Стереотипное представление о внешнем виде артистов *буто* сводится, как правило, к бритой голове и белому гриму.

– Молодец, Ахтар, выучил свой урок. Однако «уважение человеческого достоинства» не предусматривает применение ударов кастетом по лицу. В этом случае приговор за пытки и проявления жестокости придется тебе точно в масть.

Грудь Ахтара напряглась под туникой. Его лицо блестело, как огромная маслина.

– Нет, – дрожащими губами пробормотал он. – Все мои актрисы подписали контракт, в котором сказано, что они принимают условия съемок.

– То, что ты называешь «условиями съемок», является преступлением перед законом.

– Нет. Эти женщины сами согласились, и речь идет строго об их личной жизни. Семнадцатого февраля две тысячи пятого года Европейский суд по правам человека вынес постановление по иску К. А. и А. Д. к Королевству Бельгия. Дело касалось права на «личную независимость, включающую право поддерживать сексуальные отношения и располагать своим телом вплоть до действий, расцениваемых как наносящие физический или моральный ущерб или опасные для человека»...

Вот тут Ахтар прогадал: имея такую жену, как у него, Корсо прекрасно знал юриспруденцию по части садомазохизма.

– Обвиняемые забыли упомянуть, что акты жестокости были сняты на видео, а затем проданы в Сеть.

Казалось, индус обрадовался возможности поспорить со знатоком:

– В таком случае вам известно, что суд признал: предварительно данное согласие жертвы на подобные действия во время сексуальных отношений является оправдательным фактом, устраняющим правонарушение. Исходя из этого, можно совершенно законно продавать фильм.

Ахтар подошел к компьютеру, который по-прежнему показывал избиение, и положил ладонь на процессор, как скульптор – на одно из своих творений.

– Садомазохизм является частью сексуальной свободы, которая в демократическом обществе признана государством за личность. Такое решение представляет собой перелом в судебной практике по отношению к аресту Ласки, Джаггарда и Брауна²⁹ в девяносто седьмом году и пока закрывает этот вопрос.

Корсо пытался разглядеть на экране лицо, уже превратившееся в кусок висящей на крюке у мясника убоины. Он ткнул индуса стволом своей пушки и прижал его к стене:

– Слушай внимательно, скотина. Я пришел сюда не для того, чтобы изучать право, и уж тем более не для того, чтобы выслушивать твою брехню о садомазохизме в Европе. В феврале двенадцатого и мае тринадцатого годов ты во многих фильмах снимал Софи Серей, она же Нина Вис. Что она для тебя делала?

– Софи Серей? Нина Вис? Я, по правде говоря, не помню, я...

Рукояткой пистолета Корсо сломал ему нос.

Дождавшись, когда бедолага рухнул на пол, он добавил:

– Десять дней назад ее убили. Последнюю неделю в новостях только об этом и говорят. Сеть пестрит ее портретами. Ты парень осведомленный, так что должен был бы сразу узнать ее!

– Ни... Нина принадлежала к нашему клубу... Она... она регулярно работала для нас...

– В ее банковских выписках мы обнаружили всего два ваших платежных чека. В остальное время ты платил ей по-черному?

Несмотря на сломанный нос и распухшие губы, Ахтару удалось улыбнуться.

²⁹ Заявители на добровольной основе занимались садомазохизмом, в результате чего здоровью одного из участников был причинен вред, и его родители обратились в полицию, которая возбудила уголовное дело, а суд приговорил остальных участников к лишению свободы. Заявители обратились в ЕСПЧ, полагая, что не могут быть привлечены к уголовной ответственности, так как все происходило добровольно и по согласию. ЕСПЧ пришел к выводу, что нарушение Конвенции отсутствует, так как приоритет должен отдаваться защите здоровья человека.

– Вы ничего не поняли... Нина работала бесплатно. Ради собственного удовольствия! Моя философия способствовала преобразованию душ и умов. Мы не снимали фильмы – мы причащались... Мы...

Чтобы прохвост убедился, что Корсо отлично уловил смысл, он врезал ему в челюсть.

– В фильмах какого типа снималась Нина?

– Типа тех, что вы только что видели.

– Ты лжешь! Нина была стриптизершей. Она никогда не стала бы рисковать, чтобы ее ранили или изуродовали на твоих дебильных сеансах.

– Она работала в павильоне, – миролюбиво ответил индус. – Члены нашей сети могут выбирать инструменты или орудия, при помощи которых «служители культа» разрабатывают тему, и...

Корсо уже собирался врезать ему еще разок, но вдруг замер с поднятой рукой. Он вдруг вспомнил: Эмилия, обнаженная, в ванной комнате, в тот момент, когда она... Его мозг отказывался воспринимать дальнейшее и сосредоточился на происходящем сейчас.

– Где ее фильмы?

– Мне надо поискать. Все помечено, но... я много произвожу.

– Кто был ее партнерами?

– Тот же ответ, – сказал индус, вытирая кровь и сопли, стекающие из носа. – Не могу по памяти...

Корсо встал, вновь пихнул его в кресло, схватил мобильник и набрал номер Арни. Он был ошеломлен тем, что всего за несколько часов обнаружил такую дыру в расследовании. У Борнека, конечно, отличная команда, но нет маленького гения в рваных колготках.

– Я напал на след Нины Вис в одной любопытной сети, – сообщил он Арни, не спуская глаз с индуса, шмыгающего носом, как мальчишка. – Барби тебе пояснит. Бросай все и быстро давай сюда вместе с ребятами. И прихватите технических специалистов...

Ахтар попытался встать:

– Вы не имеете права! Для обыска у вас должен быть...

Корсо схватил его за напомаженные волосы – прикосновение было отвратительным – и снова сунул в кресло, приставив к горлу рукоятку своего оружия.

– Заберете все жесткие диски, файлы, – продолжал он говорить в трубку, – всю бухгалтерскую отчетность. Короче, все. Потом прихватите с собой клоуна, который тут всем заправляет, и в конторе вытряхнете из него все коды и ссылки. Просмотрите все фильмы, в которых играла Нина. Найдите ее партнеров по сцене, технический персонал, присутствовавший на съемках, а главное – список придурков, которые смотрели эти эпизоды. Адрес пришлю в эсэмэске. Срочно направьте ко мне полицейских для надзора за подозреваемым. И пошевеливайтесь там!

Закончив разговор, он приковал продюсера наручниками к самой дальней от монтажного стола батарее отопления. Затем открыл окно, чтобы выветрить одуряющий запах карри, приготовил себе *chai* на стоящем на полу серебряном подносе, отвернулся к окну и выпил маленькими глотками, пытаясь успокоиться.

Наконец он снова воротился к стонущему в своем углу Ахтару. Скарабей превратился в слизняка. Корсо подхватил продавленный пуф и, не выпуская чашки, уселся рядом.

– Дай-ка мне твой мобильник.

Свободной рукой индус вытащил из кармана туники телефон и протянул сыщику.

– Пока мы поджидаем моих ребят, – продолжал Корсо, прибрав аппарат, – ты мне сообщишь некоторые сведения: какую-нибудь фамилию, подробность, обстоятельство – что-то, что позволило бы мне сразу продвинуться в деле.

Ахтар втянул носом кровь и сплюнул красноватую слизь:

– Не понимаю, что вы имеете в виду... Я...

Не вставая с места, полицейский саданул его каблуком по ребрам:

– Фамилию, придурок! Партнера, того парня, с которым Нина разделяла свои извращенные наклонности, умельца, который ее трахал, не важно кого. Вспоминай, мать твою, или, клянись, моим коллегам придется соскребать тебя со стен чайной ложкой.

Тот снова сплюнул на ковер и пробормотал:

– Найдите Майка... Порноактера... Он с ней работал. Я думаю... я думаю, они связаны...

– Как это – связаны?

– Они существуют на одной волне. Это он привел ее в нашу сеть.

– Где я могу найти его?

– Я... У меня нет его координат...

Корсо опять приподнял ногу в тяжелом ботинке – ему не приходилось особенно уговаривать себя, чтобы пытать мерзавца.

Тот съежился в углу.

– В... в Везине. Там сегодня съемка... Я дам вам адрес...

– Его настоящее имя!

– Надо бы найти его карточку. Во всяком случае, все зовут его Фрейдом.

– Фрейдом?

– Он человек умственного труда.

В этот момент в дверь забарабанили. Раздались крики: «Полиция!»

– Увидимся на набережной Орфевр, – заключил Корсо, поднимаясь с пуфа. – Передашь моим коллегам все коды, ответишь на все их вопросы, а пока заткнись.

– Я... я могу позвонить своему адвокату? – прошепелявил Нур.

Прежде чем открыть полицейским, Корсо в последний раз ткнул продюсера сапогом в живот. Ахтар разразился рыданиями.

– Полагаю, ты чересчур чувствителен для знатока садомазо.

15

– Доктор? – Корсо мчался строго на запад и одновременно звонил судмедэксперту в Институт судебной медицины. – Майор Стефан Корсо из криминальной полиции. Мне передали дело убитой стриптизерши.

– И что?

Он явно помешал. Звук голоса свидетельствовал о том, что говорящий находится в холодильной камере. Врач был новенький, Корсо его не знал.

– Дней десять назад вы произвели вскрытие Софи Серей. Мне понадобится кое-что уточнить.

Врач вздохнул. Корсо услышал, как он отдает распоряжения своим ассистентам, вроде того, как режиссер командует: «Стоп!»

– Слушаю вас.

– Я несколько раз перечитал ваш отчет и не нашел никакого указания на влагилищные поражения.

– Я уже неоднократно повторял: эта женщина не была изнасилована.

– Мне бы хотелось поговорить о старых повреждениях – возможно, о рубцах, шрамах.

– То есть?

Похоже, в докторе проснулось любопытство.

– Сегодня у нас появилось доказательство, что Софи Серей снималась в порнографических фильмах с уклоном садомазо. Вы ничего не заметили?

– Нет.

– Ни анальных разрывов, ни вагинальных трещин?

– Я же сказал, что ничего не заметил.

– А вы не делали анализы на инфекции, передающиеся половым путем?

Врач взорвался:

– Вскрытое мною тело было разодрано в клочья, переломано, изуродовано, а вам хотелось бы, чтобы я проверил, не болела ли жертва хламидиозом? Вы надо мной издеваетесь?

– Спасибо, доктор.

Возле арки Дефанс Корсо снова вспомнил о перестрелке в Нантере. Накануне два трупа, сегодня коррида с индусом. Жестокость была словно зловредный грипп, от которого ему никак не удавалось избавиться.

Нескончаемый туннель Дефанс шел под западным предместьем. Этаким высокоскоростной поезд «Евростар», мчащийся под черными водами его юности. В этот момент у него снова зазвонил мобильник. Арни и Людо на месте: переселение началось. Все материалы сейчас будут отправлены на склад в Берси, где криминальная бригада обычно хранит трофеи своих обысков. Там *гики* из отдела по борьбе с киберпреступностью займутся изучением музея ужасов Ахтара Нура.

– Что писать в качестве обвинения? – спросила Арни.

– Посмотри парочку фильмов – быстро сообразишь. Встречаемся в управлении через два часа.

Вынырнув из туннеля, Корсо будто оказался на другой планете. Теперь он ехал по широкой авеню, в окружении мощных деревьев, зданий с застекленными стенами и надменных вилл.

Он пересек Сену, и шоссе D186 привело его прямо к пункту назначения, на авеню Эмиля Тьебо. Киностудия помещалась в фахверковом доме, притаившемся за частой решеткой и скрытом каштановыми деревьями.

Чтобы не нарушать рабочую обстановку, Корсо решил представиться другом Ахтара. Ему хотелось почувствовать атмосферу «клуба», потихоньку подобраться к Майку, то бишь Фрейду.

Калитку ему открыл культурист с оттопыренными ушами. Имя Ахтара вызвало массу вопросов. Корсо попытался схитрить, упомянув разные эпизоды, замеченные им в первых сериях продукции индийского гуру. Никакого эффекта.

Чтобы прекратить этот тупиковый разговор, полицейский предложил громиле позвонить Ахтару *himself*.

– Тебя как звать? – спросил громила.

– Корсо.

Тот нажал на экран. Корсо сыграл ва-банк: мобильник индуса он оставил полицейским, которые уже должны были передать аппарат его команде... Или телефон валяется в опечатанном мешке с вещдоками, и никто не ответит, или он в руках его парней, и можно надеяться, что Ахтар пока где-то поблизости. В таком случае есть шанс, что, ткнув пушкой в висок, подозреваемого заставят ответить по громкой связи...

В ухе цербера Корсо различил звонки. Он разглядывал логотип фирмы «Lacoste» на сиреновом поло, – казалось, крокодильчик смеется, широко раскрыв челюсти.

Победила вторая гипотеза. Ахтар ответил, дал зеленый свет, и Корсо сумел войти в его святая святых. Посыпанная гравием аллея, абстрактные скульптуры посреди лужаек, окна во всю стену задрапированы белыми льняными занавесками.

На пороге дома громила приказал:

– Снимай обувь.

Просто мания какая-то в этой среде. Корсо повиновался и последовал за своим провожаемым по лабиринту комнат, казалось собственноручно обставленных самим Мисом ван дер Роэ.

Он уже присутствовал на съемках порнографических фильмов. Обычно обстановка там, можно сказать, домашняя: обнаженные актеры беседуют о своих семьях, футболе или автомо-

биях и одновременно мастурбируют, пока специалисты проверяют их анализы на ВИЧ или ставят свет.

Здесь все выглядело иначе. Войско Ахтара предавалось серьезным размышлениям об эзотерике. Помещение со стенами, сплошь покрытыми книжными стеллажами, и возвышающимся в центре французским бильярдом было превращено в артистические уборные. Актеры – мужчины и женщины – сосредоточивались там в тишине. Обнаженные и тщательно обритые, они напоминали пациентов, подготовленных к серьезному хирургическому вмешательству.

– Жди здесь, – приказал громила, прежде чем исчезнуть.

Корсо попытался сделаться незаметным. В этом лесу белых тел, набухших членов и выбритых до блеска черепов он казался себе извращенцем, без приглашения вторгшимся в процесс.

У некоторых мужчин к торчилу был прилажен какой-то странный механизм вроде гидравлического насоса, которым они умело орудовали. Женщины, раздвинув ляжки, обильно смазывали себе щель кремом или, опершись на бильярд, делали двойной шпагат. На одном столе Корсо приметил обычные средства: эректильные препараты, лубриканты, спринцовки... Однако их количество наводило на мысль об аптеке времен войны.

Одетым оказался не только он. Вокруг актрис суетился крепкий коротышка в велюровой пижаме темно-синего цвета, со стетоскопом на шее. Не говоря ни слова и перепархивая от одной к другой, он быстро, почти украдкой, делал им какие-то уколы. Наверняка местную анестезию – учитывая характер предстоящего перформанса.

Наконец в комнату вошел мужчина в белой тунике, как у Ахтара, и направился прямо к Корсо:

– Ты пришел от Ахтара?

– Так точно.

– Он никогда никого не посылает в павильон.

– Все когда-то случается впервые.

– Ты хочешь побеседовать с режиссером?

Человек говорил вполголоса. Своей туникой и чопорными повадками он смутно напоминал служителя религиозного культа. Впрочем, Корсо заметил висящий у него на шее карманый фонарик фирмы «Маглайт»: похоже, парень отвечает за *light pussy* («освещение для киски»), то есть в момент проникновения светит, куда надо.

– Нет, я ищу Майка.

– Кого?

– Фрейда.

– Зачем?

– Я тоже продюсер. Меня интересуют его профессиональные качества.

– Пошли.

Вслед за своим провожатым Корсо попал в очередной коридор, он перешагивал через закрепленные на полу скотчем кабели, обходил флайт-кейсы с алюминиевыми уголками. Они попали в помещение со сдвинутой и накрытой белыми чехлами мебелью. Пол был застелен белым пластиком: сценическая площадка. Техники подключали прожекторы, устанавливали отражатели. Здесь явно снимали утонченное гонзо, с соответствующим светом, профессиональной камерой и натренированными актерами.

Посреди комнаты находилась кровать или, скорее, матрас, на который ассистенты положили каучуковую подстилку и теперь накрывали всю конструкцию простыней на резинке. В углу целовались две обнаженные актрисы, чьи бритые черепа в льющемся из окна свете почти ослепляли своим блеском; а гримерша в это время пудрила им ягодицы.

– Фрейд – это вон тот парень.

Его невозможно было не заметить: закрыв глаза, он сидел на подоконнике в позе лотоса, разумеется обнаженный. Невысокого роста, но крепкий, бульдожьей челюсти, глубоко посаженные глаза, выбритые брови. Лицевые кости обрисовывались под кожей подобно металлическому каркасу, покрытому сверху плотью и мускулами.

Но лучшее находилось ниже, между его ногами. Вибрирующий в эрекции прибор порноактера, больше двадцати пяти сантиметров, размера XXL. Артист лениво мастурбировал правой рукой, одновременно левой уминая свое роковое оружие лубрикатом.

Когда Корсо приблизился, «бульдог» открыл глаза и улыбнулся:

– Долго же ты меня искал.

16

– Я познакомился с Ниной в Сети. В то время она обращалась за советами на сайты садомазо.

– Мы проанализировали ее компьютер: никаких следов подобных соединений.

– Я же сказал «в то время». В последние годы у нее не было такой необходимости. Она перешла на другую сторону экрана.

– Примерно как давно?

– Я бы сказал, лет шесть-семь назад.

Порноактер был не из тех, кто по зову собственного сердца явится в полицию, но, оказавшись припертым к стенке, не счел нужным молчать и сразу заговорил.

Фрейд выпрямил ноги; хотя они явно не затекли, он помассировал их и встал.

– Пошли-ка, – сказал он, беря пачку сигарет «Житан» и открывая застекленную дверь. – Мне надо покурить.

Корсо изо всех сил старался держаться естественно, но присутствие этого коренастого и мускулистого человека, голого, как римская статуя, и возбуждающего, как индийский барельеф, все-таки обескураживало.

Когда же парень, продолжая наяривать свое мужское достоинство, прислонился к деревянной балюстраде балкона, с которого открывался вид на шикарное предместье, картинка стала совсем сюрреалистической.

– Не обращай внимания, – сказал он, заметив смущение Корсо. – Мне скоро сниматься, а я отказываюсь глотать их дерьмовые колеса. Майк работает без подстраховки! С их таблами у тебя стоит, но просто автоматически. Ты уже не в теме. – Он усмехнулся. – Короче, рискну сказать...

Корсо кивнул с видом знатока.

– По нашим сведениям, Нина старалась быть приветливой со всеми, но на самом деле имела не много друзей.

– Я был единственным, – подтвердил «бульдог».

– Вы с ней когда-нибудь спали?

– Только в кино, – улыбнулся Майк. – Ее интересовало исключительно жесткое садомазо.

Вот я и познакомил ее со всем этим.

– С чем «этим»?

– С клубом. С фильмами. С «органическим порно», как говорит Ахтар.

– На каком уровне она трудилась?

– Будто сам не знаешь.

– Ахтар пытался мне объяснить, да я не очень понял.

Майк расхохотался и прикурил новую сигарету.

– Нина была звездой игр онлайн.

– Каких игр?

– Знаешь, цыпленочек... – порноактер выпустил дым из ноздрей, – мне кажется, ты не слишком продвинулся в своем расследовании...

– Объясни.

– ОПА предлагает кодированные игры. Ты платишь, смотришь, делаешь ставку.

– На что, например?

Майк вздохнул: этот посетитель вообще не въезжает.

– Нина была профи в играх «Загадай желание» и «Овсяный сахарок».

– Не знаю таких.

– Например, она вводила себе глубоко во влагалище очень тонкую свечку и поджигала фитиль. Ставки в сети росли по мере сгорания воска. Чем ближе к плоти, тем они становились выше. В этом трюке Нина была лучшей. Она сама гасила фитиль... собственным влагалищем.

– А «Овсяный сахарок»?

– Ахтар производит капсулы из жженого сахара с битым стеклом. Игрок – то есть женщина, которая играет, – сует их в свою киску. Согреваясь внутри, сахар тает, высвобождая осколки. Игра заключается в том, чтобы вытолкнуть их при помощи мышц промежности. Это кроваво, ужасно больно и по-настоящему омерзительно. Игроки такое просто обожают.

Полицейский вспомнил про судмедэксперта: как случилось, что он не заметил ничего подозрительного?

– Сколько может быть любителей подобных игр?

– Думаю, много тысяч.

– А делала ли Нина... что-то еще для Ахтара?

Майк дружески помахал кому-то в соседнем саду. Корсо вытянул шею: двор виллы пересекала дама лет пятидесяти, в жакете от Шанель.

Возмущенная зрелищем (головка полового члена Майка торчала над перилами балкона, словно марионетка в маленьком театре), женщина поспешно юркнула в свой «мини».

– Нина заходила слишком далеко, – продолжал порноактер. – Я часто предупреждал ее. Она участвовала в том, что называется *blind tests*. Девушку привязывают к прозекторскому столу, а палач онлайн принимает заявки игроков... Чаще всего они заказывают вставить ей в киску самые неожиданные предметы. Поначалу девушка делает вид, что сопротивляется, ставки растут, и, когда сумма представляется достаточной, она дает свое согласие... Нина была королевой этого номера.

– Какие предметы, к примеру?

– Телефон, по которому ради смеха звонят, когда он находится у нее внутри; но это может быть и горсть рыболовных крючков...

– Ахтар сказал мне, что Нина работала бесплатно.

– Это правда. Все шло ему в карман. Этот чокнутый пудрит нам мозги со своей эротической хренью, но он не кто иной, как бизнесмен, нашедший свою золотую жилу...

– Если не ради бабок, то зачем она соглашалась на такие испытания?

– Ради удовольствия. Нине нравилось испытывать боль. *По-настоящему*.

– Мне кажется, как объяснение это слабовато.

Фрейд щелчком отбросил окурочек в соседский садик.

– Она любила испытывать боль, потому что не любила себя. А себя она не любила потому, что была уверена, что недостойна любви. Мать бросила ее при рождении, это тебе хотя бы известно?

Корсо кивнул.

– В ее подсознании недостойный любви объект – она сама – превратился в объект, достойный ненависти. И ее желание изменилось. Теперь она жаждала, чтобы ей причиняли боль, чтобы ее истязали, чтобы по отношению к ней проявляли презрение, которого она заслужи-

вает. Ее психика опрокинула все понятия человеческого достоинства. Жестокость стала для нее единственным источником радости и наслаждения.

Теперь Корсо понимал, откуда взялось прозвище Фрейд. Парень произнес свою заумную речь на одном дыхании, по-ученому – и при некотором воображении можно было подумать, что он обращается к собственному фаллосу.

Сыщика не отпускала одна мысль: невозможно, чтобы у девушки, предававшейся подобным безумствам, не осталось серьезных телесных повреждений. А ведь судмедэксперт ничего не увидел.

Но у Майка на все был готов ответ:

– В последнее время Нина оставила игры садомазо. Ее раны должны были зарубцеваться. Она чувствовала себя лучше – и физически, и морально.

– Почему?

– Она нашла себе бойфренда.

– Бойфренда?

Ведь все свидетельские показания в этом пункте казались единодушными: у Софи Серей, она же Нина Вис, тридцати двух лет, никого не было.

– Не вешай мне лапшу на уши. Ни в одном протоколе нет ни намека на присутствие какого-нибудь дружка. Мы не обнаружили его следов ни в ее мобильнике, ни в ее компьютере.

Майк удрученно покачал головой:

– Вы ничего не поняли про Нину. Все, что касалось ее лично, сохранялось в строжайшей тайне. Вообще-то, ей почти нечего было скрывать, но этими отношениями она дорожила.

– А что за мужик? Кто он?

– Понятия не имею.

– Что она тебе о нем рассказала?

– Не слишком много. Вроде художник.

– Тоже занимается садомазо? Где они познакомились?

– Говорю же тебе, я ничего не знаю! Она только сказала, что они иногда видятся и это оказывает на нее благотворное действие.

Похоже, художник тоже склонен к таинственности, если не оставил никакого следа в повседневной жизни Нины. Родственные души.

– Не припомнишь какой-нибудь детали, которая помогла бы нам идентифицировать его?

– Мне кажется, она ему позировала...

– Где я мог бы увидеть его полотна?

– Понятия не имею.

– Может, у него есть галерея?

– Говорю же, я ничего не знаю!

– Подумай.

Майк провел ладонью по бритому черепу:

– Он носит шляпу.

– Шляпу?

– Ага, она сама однажды мне сказала. У него странная манера одеваться. Белые костюмы, шляпы... Вроде сутенера двадцатых годов...

Это не вязалось с образом скрытного человека. Хорошо бы все перетрясти и посмотреть, что оттуда выпадет. И все же ему удалось нехило продвинуться по сравнению с расследованием Борнека.

На прощание Корсо помахал Фрейду, но, сделав несколько шагов, передумал:

– И последняя вещь, одна деталь...

– Что еще?

– Почему вы все бритые?

Майк злорадно улыбнулся:

- Придумка Ахтара. Это ставит нас особняком. К тому же так более практично.
- Для чего?
- Для минета.

17

Группа ждала его в зале для совещаний. В Берси компьютерщики при «любезном участии» Ахтара уже взялись за раскодирование фильмов – их там было много тысяч.

– Ну и как впечатление?

– Омерзительно, – ответил Людо, которого, однако, это вроде бы не испугало. – Девушки и правда жутко страдают – их используют и в хвост и в гриву. Мы пока не добрались до фильмов Нины, но они должны быть в духе всего остального...

– Список абонентов?

– Тоже в процессе дешифровки. Программисты считают, что мы получим только IP-адреса компьютеров. А потом придется определять их владельцев. Пока мы не установили их личности.

– Что насчет актеров, актрис?

– У Ахтара есть сквозная картотека, но это ничего не дает. Все работают под псевдонимами. Никакой административной информации.

– И никаких расчетных листков?

– Нет. Они все добровольцы. Надо быть совершенно ненормальным...

– Вы позволили Ахтару позвонить его адвокату?

– Нет. Ждем, когда обнаружим в фильмах что-нибудь погорячее, чтобы предъявить ему обвинение.

– Хватит искать вслепую. Девушки превращаются в кровавое месиво.

– Он утверждает, что это трюки.

– А гигантские члены? А предметы, которые засовывают им во влагалище, в задний проход?

Людо пожал плечами:

– Свободный обмен по обоюдному согласию между взрослыми людьми. Есть контракты, подписанные девушками. Ахтар объяснил, что он избавляет их от иудео-христианских цепей, сковывающих табу нашего склонного к притеснению личности общества, и так далее. Мы продолжаем раскодирование фильмов, но, если мы не обнаружим в них детей и животных, Мсье Луаяля³⁰ придется отпустить.

Людо прежде трудился в бригаде по противодействию сутенерству и, как, впрочем, и все в этой комнате, знал, что единственная возможность прижать торговца порнографией – это привлечение им к съемкам малолетних детей и использование животных в актах зоофилии. Статья 521-1 Уголовного кодекса предусматривает наказание за «факт публичного или не публичного использования опасных услуг или услуг сексуального характера или осуществление акта жестокости по отношению к домашнему, прирученному или содержащемуся в неволе животному...». Известно даже одно судопроизводство по делу о применении сексуального насилия по отношению к пони...

³⁰ В цирковом мире Мсье Луаялем называют обер-шталмейстера, в основном предваряющего выход клоунов. Это пример того, как имя собственное (имя директора цирка) со временем стало именем нарицательным для обозначения должности в цирке. Человек с таким именем стоял некогда в голубой униформе у выхода на манеж, и в его обязанности входило наблюдать за конюхами, с шамберьером в руке следить за лошадьми под наездниками и подавать реплики клоунам. Теперь в проходе у манежа всегда стоит человек в голубой униформе, и, естественно, его называют Мсье Луаялем. Амплуа и имя стали традиционными в цирке.

Корсо велел коллегам не ослаблять усилий и продолжать копаться в выгребных ямах, установить потребителей и посредников, а индуса держать в камере, лишив его возможности связаться с кем бы то ни было.

- Прокуратура решит.
- Согласен.

Сделав глубокий вдох, сыщик сообщил им сенсационную новость из Везине: у Софи Серей был любовник. Далее последовали распоряжения. Сегодня же ночью провести молниеносный обыск в квартире Софи с целью обнаружения какой-либо информации, касающейся неизвестного. Вернуться в «Сквонк», еще раз допросить коллег Нины Вис. Прочесать рынок современного искусства в поисках следа художника, носящего белые костюмы и борсалино и (может быть) посвятившего свое творчество стриптизершам или порноактрисам. Парня, подхватившего старую традицию художников «Мулен Руж».

Арни перебила его – для важности она нацепила очки с толстыми стеклами, что неожиданно придало ей сходство с учительницей:

- Я как-то не въезжаю. Мы что, остановим расследование в отношении гонзо?
- С чего бы вдруг?
- А кто будет заниматься подписчиками Ахтара, партнерами Нины и всем остальным?
- Вызовем подкрепление.
- Почему бы не Борнека? – съязвил Людо.
- Оставь Борнека в покое. Он скоро свалит в отпуск.
- Сегодня вечером у половины управления начинаются отпуска, – уточнила Арни.
- Узнайте у Бомпар, кого она может нам подкинуть. Завтра заново пройдемся по всем

пунктам и решим, кто кого допрашивает.

Сыщики переглянулись: что же получается? Во-первых, этой ночью они работают, а во-вторых, в ближайшие выходные им наверняка предстоит дежурить.

- Кришна тоже сегодня вечером уезжает, – осмелилась заметить Барби.
- Пусть отменит отпуск!

С этими словами Корсо распрощался со всеми и направился к себе в кабинет. Ему требовалось спокойно подвести итоги: всего за несколько часов они обнаружили два исключительно важных следа. Он даже не рассчитывал на такое с первого же дня.

- Стефан!

Он обернулся: вслед за ним в коридор вышла Барби с папкой в руке. Он подумал, до чего же у нее странный вид. В хорошие дни она напоминала подвыпившую Мэри Поппинс, которая могла обладать некоторой привлекательностью – при условии, что вам нравятся старомодные манеры и *tapestry bags*³¹.

- Я нашла соответствие с увечьями Нины.
- Ты успеваешь пахать по другому делу? – удивился он.
- Я умею заниматься двумя вещами одновременно.

Вообще-то – тремя, потому что именно она уже раздобыла Верана, маэстро веревочных узлов, и, прошерстив счета Нины, вычислила Ахтара... В поразительных рабочих качествах Барби было что-то вызывающее, вечно создавалось впечатление, будто она успела вскочить в предыдущий поезд – в отличие от всей группы, включая его самого.

- Она открыла картонную папку, в которой находились цветные ксерокопии.
- Это полотна Франсиско Гойи.
- Пошли ко мне в кабинет.

Корсо закрыл дверь и предложил Барби разложить снимки поверх своих собственных документов.

³¹ Гобеленовые сумки.

- Слышал про такого художника? – спросила она.
- Ты меня что, держишь за полного идиота?

Корсо узнал известные картины: портреты представителей мадридского королевского двора, знаменитое полотно «Расстрел повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года», репродукции «*Pinturas negras*»³²: «Два старика», «Шабаш ведьм», «Собака»... искаженные, пугающие лица.

Барби выбрала несколько картинок и выложила их сверху:

- Взгляни сюда: ничего не напоминают?

Это были жуткие портреты в красных и светло-коричневых тонах, лица, раздираемые безумным воплем или саркастическим смехом (определить невозможно), с доходящими до ушей уголками губ – в точности как на изуродованном лице Нины.

– Они тоже из серии «*Pinturas negras*»? – спросил он, взяв одну ксерокопию: изображение мужчины с изможденным лицом и скованными цепями запястьями.

– Нет, их называют красными, «*Pinturas rojas*». Это маленькие живописные полотна, обнаруженные несколько лет назад и приписываемые Гойе. Каторжник, ведьма, умирающий. По всей очевидности, в них Гойя обратился к самым чудовищным воспоминаниям.

- Где находятся эти произведения?

– В Мадриде, в музее одного фонда. Он принадлежит меценату, который приобрел эту серию за баснословные деньги. У меня есть адрес. Я уверена, что убийца проводил там долгие часы... Возможно даже, что он испанец...

Корсо ушам своим не верил: находка Барби представляла собой третий интересный след. Тем более что теперь предметом их особого внимания был возможный «любовник-художник». Все это могло быть как-то связано.

– Займемся этим завтра, – заключил он. – Надо понять, что эти лица представляют на самом деле. Их символическое значение, их глубинный смысл...

- А как насчет фонда?

– Выйди на офицера французской группы взаимодействия в Мадриде.

- Ты не хочешь, чтобы мы сами сгоняли туда?

– Нет. Наши первоочередные задачи здесь.

Барби собрала отпечатки и сунула папку ему в руки:

– Ошибаешься. Убийца подпитывает свое безумие этими картинами. Именно они составляют ядро всей истории.

- Я же сказал тебе связаться с нашим человеком в Мадриде.

Барби сердито кивнула. Как все маленькие гении, она была обидчива, что для сыщика является серьезным недостатком.

Она уже выходила, когда Корсо окликнул ее:

- Есть минутка?

– Шутишь, что ли? Ты только что выдал нам работу на три дня.

- Нет, я хотел сказать: может, хочешь пропустить стаканчик?

– О-ля-ля!

- В каком смысле?

– За семь лет верной и беспорочной службы ты дважды пригласил меня пропустить стаканчик. Первый раз, чтобы сообщить, что убираешь из группы одного человека. А второй – чтобы сказать, что женщина, которую я арестовала, повесилась в своей камере. Короче, это всегда недобрый знак.

Он попытался улыбнуться:

- Хочу попросить тебя об одной услуге.

³² «Мрачные картины» (*исп. Pinturas negras, 1819–1823*) – название серии из четырнадцати фресок Франсиско Гойи, написанных в технике *al secco*.

– Ты решительно пугаешь меня.

18

– Свидетельство? О чем свидетельство?

– О нравственности. Характеристику, доказывающую, что я хороший отец.

Барби покачала головой, как делают, услышав смешную шутку. Они сидели за столиком в кафе на площади Дофина, вдали от мест, посещаемых сыскарями с острова Сите.

– А что?! – вызывающе рявкнул Корсо.

– Я спрашиваю себя, по правильному ли пути пошло твое дело о разводе...

– Потому что ты в этом хорошо разбираешься?

Он не был готов к беседам в духе Карины Жано.

– Тут весь вопрос в верно выбранном направлении. Какие документы ты на самом деле собираешься включить в свое досье?

– Свидетельские показания, наши с Тедди фотографии, запечатлевшие все, что мы с ним делали вместе... Кроме того, я еще думаю написать текст о том, как я понимаю воспитание. Как я представляю себе роль отца.

Барби сделала глоток колы-зеро. Стакан она держала двумя руками: казалось, ей хотелось насквозь проникнуться холодом ледяного напитка.

– У тебя друзья есть? – спросила она.

– Не очень много. Нет.

– А родственники?

– У меня есть Тедди.

– Ты успеваешь заходить к нему в школу? Заниматься с ним чем-то еще?

– Я делаю, что могу.

Барби улыбнулась, но лишь для того, чтобы смягчить дальнейшее:

– В общем, ты рассчитываешь представить только свидетельства коллег.

– Какая разница, откуда будут эти документы?

– Тогда почему не от преступников, которых ты арестовал за время своего отцовства?

– Я думал об этом.

Разумеется, он пошутил, однако сам счел бы законным предоставить слово своим недругам. Они оказались бы самыми разговорчивыми. Но все это продемонстрировало бы лишь его достоинства сыщика.

– Я могу говорить с тобой откровенно? – спросила Барби, сделав еще один ледяной глоток.

– Ты уже давно обходишься без моего разрешения.

– Когда я пришла в группу, Тедди было два года. По твоим рассказам я следила за тем, как он растет, и могу констатировать, до какой степени ты хороший отец. Во всяком случае, как ты сам говоришь, ты делаешь максимум того, что можешь.

– Но что? Ты вроде не договорила.

Девушка откинулась на стуле, как будто для того, чтобы собраться с силами.

– Оказавшись перед судьей, ты, со всеми своими боевыми заслугами полицейского супергероя и повадками отпетого хулигана, потеряешь неудачу.

– Я что, выгляжу хулиганом?

Барби спокойно продолжила:

– А уж что будут говорить друзья Эмили, я даже не осмеливаюсь вообразить.

– Мне не в чем себя упрекнуть.

– Разумеется, не в чем, но – как бы тебе сказать – один твой вид все портит.

Корсо пытался проглотить пилюлю. Барби воспользовалась его замешательством, чтобы высказать все начистоту:

– Ты не пьешь, но не пьешь, как мужик, посещавший собрания Анонимных алкоголиков. Ты не употребляешь наркоту, но только потому, что все еще никак не можешь избавиться от того, чего нахватался в юности. Ты выступаешь на стороне закона, но можно подумать, что ты делаешь это для того, чтобы избежать тюрьмы. Когда ты отпускаешь шутку, всегда кажется, что это случайно, а когда заговариваешь с женщинами, это напоминает допрос. Я знаю, что ты чувствуешь себя непринужденно в очень редких случаях и только с пистолетом наготове.

– Все сказала?

– Нет. Ты разводишься, как добрая половина Парижа, но можно подумать, что готовится террористический акт и следует ожидать десятки жертв.

– Тедди – самое дорогое, что у меня есть. Результат развода имеет для меня решающее значение.

Она кивнула – будто психоаналитик, который соглашается не со словами пациента, а с явными признаками болезни.

– Не считая того, что Эмилия пойдет даже на то, чтобы раздобыть в полицейском управлении отрицательные характеристики.

– Я придерживаюсь строгих правил, а показатели раскрываемости у нас самые высокие в конторе.

– Спасибо, я в курсе, но это не делает из тебя безупречного сыщика.

Корсо за несколько секунд мысленно пролистал все дела, в которых он мог пребывать в пограничном состоянии, – никому было не под силу раскопать нелегальные акты, тщательно похороненные Бомпар под напластованиями архивных документов.

– Ты обращаешься с родственниками жертв как с виновными, и в то же время у тебя всегда такой вид, будто ты ведешь расследование для себя лично, – продолжала Барби. – Можно подумать, мы все персонажи компьютерной игры «Vigilante», где герой сам вершит правосудие с оружием в руках.

– Это уж слишком!

– Нет. Из уважения к горю родственников жертв сыщик уголовного розыска обычно надевает черный костюм и всю жизнь составляет рапорты. А ты даже не удосуживаешься накинуть на плечи куртку, а всю писанину поручаешь Кришне. Ты никогда не проявляешь никакого сочувствия. Никогда не бываешь вежлив, почтителен. Просто несчастье какое-то! По правде говоря, хотя результаты у тебя хорошие, все считают, что тебе следовало бы вернуться туда, откуда ты пришел: на участок.

Корсо присвистнул. Против всякого ожидания, от этих откровений он чувствовал себя взбодрившимся, посвежевшим, как после холодного душа.

– Ты закончила?

– Нет. Имеется и проблема настроения.

– Какая еще проблема?

Барби пожалала плечами и заглянула в стакан, на дне которого покоился трупик выжатого лимона. На каждом пальце у нее было по кольцу – не тех, что выставлены в витринах ювелирных бутиков Вандомской площади, а скорее байкерских.

– Если у тебя не дрожат руки, значит ты топчешься ногами или скрипишь зубами. У тебя вечно такой вид, будто ты вот-вот взорвешься. Ты наводишь страх на свидетелей и изматываешь родственников. Чего ты таким образом можешь добиться?

Они окончательно удалились от темы развода, Барби наверняка высказывала не только свое мнение, но и всей группы.

– Мы вроде говорили об опеке над моим сыном?

– Я как раз хочу заставить тебя понять: ты не имеешь никаких шансов выиграть у своей жены.

Он предпочел сдержаться и не психануть – хотя бы для того, чтобы опровергнуть составленный Барби портрет. Долгие десять минут он помешивал кофе, которого в блюде плескалось гораздо больше, чем в чашке.

Потом оставил в покое ложечку и почти мечтательно произнес:

– И все же мне необходимо добиться опеки. Эмилия... опасна.

– Полагаю, ты не собираешься об этом распространяться?

– Нет.

– Что об этом думает твой адвокат?

– Что мой единственный шанс склонить судью на свою сторону – это арестовать мерзавца из «Сквонка».

– Ну вот, наконец-то хорошая новость.

Он поднял на нее глаза:

– Ты думаешь?

– Конечно. Мы скоро схватим этого ублюдка.

Она встала, порылась в карманах и бросила на стол пять евро.

– Мы еще поговорим. А сейчас я вместе с ребятами отправляюсь на обыск.

Она подхватила сумку и развернулась, чтобы уйти.

– Так ты напишешь мне характеристику или нет? – снова спросил Корсо.

– Конечно. – Она подмигнула ему. – И не премину отметить, что ты лучший стрелок из табельного оружия.

19

Еще не оправившись от только что полученного удара, Корсо сел в машину и тронулся с места, пока не понимая, куда он направляется. На набережные беззвучно опускался вечер, накрывая Париж обольстительной призрачной вуалью, отчего по коже города пробежали мурашки... электрические.

Он сделал попытку дозвониться до Эмилии, но она не ответила. Образ Тедди, взлохмаченного белокурого мальчика с темными глазами (как у матери), разбивал ему сердце, как камень, брошенный налетчиком в витрину. То, что он в течение месяца не увидит сына, при том что он не успел не только подготовиться к такому долгому карантину, но даже сказать ему на прощание хоть словечко, это уже было слишком – действительно слишком.

И ведь это только начало. Совершенно очевидно: он не получит опеки. Стефану придется довольствоваться брошенными ему крохами и постоянно трястись от страха, как бы Эмилия не впутала их сына в свои садомазохистские игры.

Корсо почувствовал, что к глазам подступили слезы. В такие моменты его старые демоны являлись вновь, как в былые веселые деньки. Для бывшего наркота годы абстиненции представляют собой стену, старательно возведенную на зыбкой почве. Стоит только поближе подойти к ней, как она рассыплется в пыль...

Он свернул на Королевский мост, чтобы попасть на Правый берег, и поехал в обратную сторону. Вдоль Лувра зажигались фонари, и он вдруг понял, куда направляется.

Несколько месяцев назад он обзавелся идеальной любовницей: юной, нежной, неболтливой. Невысокая брюнетка, в теле, не слишком хорошенькая, но наделенная пышными формами, умело скрываемыми под просторными платьями. Ничем не примечательное существо в очках и с заколками в волосах а-ля Кит Ричардс. Она старалась держаться как можно дальше от постели, но, если ее раздеть, проявляла чудеса чувственности. С ней он обретал то единственное, что его возбуждало, – ощущение, что совершает осквернение, надругательство.

Корсо познакомился с ней во время расследования по делу о ночной перестрелке, во время которой владелец ювелирной лавки получил пулю в голову. Молоденькая продавщица не присутствовала при этой сцене, однако Корсо взялся утешить ее. Потом он время от времени припадал к этому источнику, но прикидывался глухим, когда девушка заговаривала о совместном будущем. Если она настаивала, он ссылаясь на «срочную работу» и исчезал.

Мисс Берет – она часто носила розовый берет, который напоминал ему песню Принса «Raspberry Beret», – жила в Двенадцатом округе.

Подъезжая к Берси, Корсо подумал, что прежде следовало бы заехать к компьютерщикам из судебной полиции (это поблизости) или даже рвануть по набережным в Иври-сюр-Сен и принять участие в обыске у Софи Серей. Но сил у него не было. Ему хотелось на время оказаться подальше от убийства Нины, от ее застывшего в чудовищном крике лица, от подлого мира Ахтара.

Мисс Берет открыла ему, одетая в спортивный костюм и мягкие домашние тапки. Очков на ней не было, а волосы она собрала в пучок, напоминающий рожок итальянского мороженого. В этот момент она не походила ни на девушку, скрывающую свои прелести, ни на гранату с выдернутой чекой, какой была в их первые ночи, – скорее на младшую сестричку, которую ему так хотелось бы иметь.

Обнаружив на пороге дрожащего в своей форменной куртке сыщика с потерянным взглядом, Мисс Берет только улыбнулась. Она сразу поняла, что он здесь не для того, чтобы заняться любовью или хотя бы поговорить. Он пришел ради ужина и фильма, который показывают по телику в пятницу вечером.

20

Корсо ехал по улицам своего прошлого: авеню Пабло Пикассо, улица Мориса Тореза, авеню Жолио Кюри... и видел повешенные на фонарях тела, обнаженные, изуродованные, расчлененные. Он вдавливал в пол педаль акселератора, но машина почти не продвигалась вперед. Только каким-то человеческим душераздирающим голосом завывала его сирена. Держа руль одной рукой, другой он пытался выключить сирену и нащупать кнопку, но никак не находил ее...

Корсо понял, что это, распиливая ему мозг, звонит телефон. Когда он открыл глаза, его рука уже лежала на аппарате.

– Я тебя разбудила?

Корсо узнал голос. Он взглянул на часы: около восьми утра. В доли секунды перед ним в ускоренном режиме пронесли воспоминания о вечере отдыха: спагетти-карбонара в исполнении Мисс Берет, какой-то невнятный телефильм – стилизованная картинка его собственных будней, где никто ни разу не написал ни одного протокола, где виновные только и делали, что совершали «роковые ошибки», а каждое дело разрешалось за пятьдесят минут. *Супер!*

Потом он дотачился до кровати, чтобы нарваться на привычную муку: несколько часов липкого сна, наполненного кошмарами. Просыпаясь, он каждый раз задавал себе вопрос: могут ли подобные ночи принести ему настоящий отдых?

– Как дела, *ragazzo*?³³

– Супер. Ты звонишь по поводу стриптизерши?

– Среди прочего.

Катрин Бомпар и он – это долгая история. И вечная. Первое, что она сделала, отловив парня в подвалах комплекса Пикассо, – взяла кредит, чтобы подарить ему новые зубы. Как у настоящего наркбта, улыбка у Корсо уже была как у старика: серая эмаль, расшатанные корни,

³³ Мальчик (*ит.*).

ломанные или вовсе отсутствующие резцы... Когда он окончил школу полиции, Бомпар официально сделала ему подарок в виде кредита на зубы, который, как предполагалось, он покроет.

Кавалер ордена Почетного легиона, кавалер национального ордена «За заслуги», Бомпар стала первой женщиной, возглавившей криминальную полицию, и, можно сказать, уже написала себе биографию. Она участвовала в телевизионных дебатах, рассуждала о новых методах уголовного расследования и не скрывала своих крайне правых настроений. Начальница Корсо была брюнеткой лет шестидесяти – невысокого роста, не слишком элегантной, но хорошо сложенной, властной, но благожелательной.

Все эти годы она наблюдала за Стефаном, хотя никогда не выделяла среди прочих. Ее поддержка больше напоминала подножку: он оказывался в самых сложных группах – по ее словам, для того, чтобы никогда не забывать, что должен ежедневно искупать грехи своей прежней жизни.

Их отношения были двойственными: с одной стороны – властное влияние, с другой – нежная привязанность. Она разговаривала с ним как с подчиненным, но всякий раз, когда они встречались, ее улыбка доказывала, что Бомпар относится к нему как к сыну и что ни разу не пожалела о том, что спасла его от тюрьмы.

Зато в личных делах она была начисто лишена проницательности, так что сразу стала буквально обожать Эмилию и всячески способствовала тому, чтобы Корсо женился на ней. Что не помешало начальнице переспать с ним. Не слишком блестящая идея. Катрин быстро вернулась к мужу и двоим детям. А Корсо снова занялся своими хулиганами и порочной женой.

Он кратко сообщил по телефону о вчерашних результатах: профиль Нины как фанатки садомазо, ее участие в играх гонзо, смутный силуэт любовника-художника, «Pinturas rojas» – очевидный источник вдохновения убийцы.

– Все?

– Ты что, шутишь? Всего за один день мы обнаружили важные детали, о которых в течение недели Борнек даже не догадывался.

– Мне это представляется довольно расплывчатым.

– Мне требуется подкрепление.

– Знаю, звонила твоя маленькая зомби. – (Так Катрин называла Барби.) – Подумаю, что можно сделать. Проблема в том, что на дворе июль. Наши солдаты отбывают в увольнение.

– Дело срочное.

– Это ты мне говоришь? Пока средства массовой информации оставили нас в покое, но стоит им заметить, что расследование топчется на месте, они примутся состязаться в красноречии. Мне нужны новости – конкретные – в понедельник утром.

Корсо не ответил – он рассматривал обстоятельства, в которых сейчас находился. Кукольный дом Мисс Берет, кровать, точнее, всего лишь раскладной диван, слишком тесное пространство комнаты, сдавленной между стенами, а за окном – аркады Виадук искусства³⁴. Было слышно, как хлопчет в кухне хозяйка...

– Все-таки – зачем ты позвонила? – спросил Корсо, который прекрасно знал свою «крестную».

– Слышал про перестрелку в Нантере?

– Да, смутно...

– В сводках упоминается твое имя.

Он подскочил на постели и схватился за сигареты:

– То есть как?

³⁴ *Виадук искусств* (Viaduc des Arts) – построенный в 1859 г. железнодорожный мост, по которому проходила железнодорожная ветка от вокзала Бастилии и Венсенна. В 1990-е гг. превращен в пространство, вмещающее в себя мастерские художников, галереи и выставочные залы.

Бомпар резко сменила тон:

– Многие полицейские узнали там тебя.

– Не понимаю...

– Ах, ты не понимаешь? Думаешь, я поверю, что Ламбер справился один? Что он сам, как большой, догадался воспользоваться вентиляционной шахтой, чтобы проникнуть на парковку? Ты думаешь, я схавую, что он в темноте подстрелил одного ублюдка с расстояния более пятидесяти метров, одновременно сражаясь с другим?

Корсо закурил. Едкость первой затяжки соответствовала ситуации.

– Сейчас я тебе расскажу, как было дело, – продолжала Бомпар. – В квартале Пабло Пикассо ты как у себя дома. Только тебе одному могла быть известна эта байда с вентиляцией. Кстати, у нас в тридцать шестом ты лучший стрелок. Так что уж неизвестно когда и как, но ты прознал, что у Ламбера там работа, и сразу ввязался в надежде пострелять, отомстить за себя этому хренову предместью или чему-то еще, что отравляет тебе жизнь. А уж мне ли не знать, что выбор у тебя богатый.

– Все было не так, – пробормотал он.

– Но в общих-то чертах?

Корсо ощутил аромат кофе и только теперь заметил между стулом и углом диван-кровати полные икры хозяйки дома и ее забавные тапки (в виде пингвинов).

– Гильзы не совпадают с калибром оружия Ламбера, – продолжала Бомпар. – Не знаю, что мешает мне для очистки совести реквизировать твой пистолет.

Он хранил молчание. В такие моменты лучше не сдавать позиций.

– Что на тебя нашло, что ты ввязался в этот бардак? Я в лепешку разбилась, чтобы тебя взяли в штат криминальной полиции и ты смог наконец вести нормальную жизнь. Но это сильнее тебя: улича, жестокость, хаос.

– Я там пригнулся.

– Ну да, ну да... В этой истории у тебя всего один шанс: единственная жалоба, которую мы получили, подана матерью парня, убитого из винтовки. Ребята из бригады по борьбе с преступностью огребут за это по полной.

Перед внутренним взором Корсо на мгновение возникло превращенное в месиво лицо подростка. Он снова услышал, как в свете ночных фонарей его мать воет по-арабски: «*Tibni! Tibni! 'Ayn hu? 'Ayn hu?*»

– Стефан... – уже не так сурово произнесла Бомпар. – Подскажи мне хоть одну причину, достаточную для того, чтобы закрыть глаза на эту историю.

– Я вот-вот лишусь шанса получить опеку над Тедди.

– Ты никогда не имел опеки над ним, а при твоём образе жизни ему очень скоро придется навещать тебя на кладбище. Если тебя интересуют стрелялки, переводись в бригаду быстрого реагирования. Но только не приходи ко мне больше со своими рассказами о том, какой ты ответственный отец!

– Я получил от адвоката первые претензии, – настаивал он. – Эмилия поливает меня дерьмом, так что дела неважные.

– А ты чего ждал?

– Тедди не должен остаться с ней.

– Тогда говори как есть. Докажи ее неправоту. Собери документы. Ты ведь сыщик, черт тебя подери!

Он об этом думал: провести настоящее расследование. Слежка за Эмилией, прослушка телефона, взятие с поличным... И возможности у него есть, но это могло бы обернуться против него: превышение власти, полицейское преследование и так далее. А главное – он каждый раз наткнулся на одну и ту же проблему: ему не хотелось оставлять следы, о которых впоследствии может узнать Тедди.

– Посмотрим. Сможешь дать мне характеристику?

– Какую?

– Свидетельство, что я образцовый отец.

– Без проблем. Я действительно так считаю.

От ее слов у него потеплело на душе. Он вдруг подумал, что подобный документ, подписанный начальником бригады уголовного розыска, может произвести впечатление на судью.

– Спасибо тебе.

– А пока найди-ка ты мне ублюдка, который уколошил стриптизершу!

Он разъединился. В этот момент появилась Мисс Берет – она наверняка слышала, что он закончил разговор (девушка испытывала почтение к его работе), и теперь вошла с кофе и бутербродами на подносе.

Улыбнувшись ей, Корсо поднялся с дивана и торопливо оделся.

У него только что возникла новая идея.

21

Он взял курс на аэропорт Орли.

Накануне, перед тем как провалиться в сон, Корсо открыл папку Барби, чтобы посмотреть на «*Pinturas rojas*». И уснул с мыслями об этих жутких картинках и связанной с ними истории.

Оглушенный, старый, раздавленный жизнью и ужасами, с которыми ему пришлось столкнуться (взять, к примеру, майские ночи 1808 года, когда наполеоновские войска расправились с восставшими жителями Мадрида), в 1819 году Гойя обосновался в своем последнем жилище, которое по странной случайности и так уже называлось «*La Quinta del Sordo*» – «Дом Глухого». Там, живя как отшельник, обреченный на одиночество из-за своего физического недостатка, он принялся расписывать стены мучительными фресками, персонажами которых стали ведьмы, старики, людоеды...

В конце девятнадцатого века эти фрески были перенесены на холст и выставлены в музее Прадо, где находятся и поныне. Однако в то время никто не знал, что Гойя писал не только на стенах. Он создал также три небольших полотна, с еще более патологическими персонажами: изуродованный каторжник, ведьма с истерзанным лицом, больной с безумными глазами...

В 2013 году эти произведения были обнаружены на чердаке дома, принадлежащего аристократическому кастильскому роду, и приобретены одним мадридским фондом, который теперь экспонирует их в своем музее.

Вот туда-то и решил отправиться Корсо.

Он нашел самолет, прибывающий в 11:10, и обратный – на 17:00. Это давало ему достаточно времени, чтобы полюбоваться полотнами на месте, рассмотреть каждую деталь, изучить построение картин, их сюжет... По необъяснимой причине он рассчитывал, что посещение этого музея поможет ему лучше понять безумие убийцы. Ему также хотелось подышать атмосферой выставочного зала, потому что он был уверен, что убийца часто посещал музей.

Прибыв в Орли, Корсо позвонил Барби, чтобы получить ночные сводки. Обыск у Нины не дал ничего. Компьютерщики установили личности подписчиков клуба Ахтара по кредитным карточкам, которые они использовали, чтобы получить членство. Подписчики были не столь многочисленны, как предполагалось: всего несколько сот. Сначала их имена прогонят по картотеке уголовного учета для выявления возможных рецидивистов или иных малоприятных личностей. Затем поинтересуются их социопрофессиональным профилем. Как бы то ни было, всех допросить невозможно. Даже если не брать в расчет людей из составленного Людо списка любителей связывания.

Гики заодно составили перечень актеров и актрис, которые принимали участие в этих развлечениях. Их с понедельника начнут вызывать в управление полиции. Теперь на много дней работы будет – завались.

– А вы?

– Мы обнаружили фильмы Нины.

– Ну и?..

– *No comment*. Мужики, которые такое смотрят, все потенциальные убийцы.

– Ахтара допросили?

– Его вообще отпустили.

– Что?

– Он напустил на нас своего адвоката, может разразиться страшный скандал, уж можешь не сомневаться.

Корсо не настаивал. На самом деле он больше не верил в след Ахтара.

– А что насчет бойфренда?

– Над этим мы работаем, но пока ничего.

– Пошевеливайтесь. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы разыскать художника – любителя стриптизерш, который носит борсалино.

– Ты очень любезен. Приезжай и помоги нам.

Барби была права. Пока они вкалывали, он посмотрел по телику детектив и завалился спать возле теплых сисек своей подружки.

– Нельзя узнать, чем ты собираешься заняться сегодня? – язвительно спросила она.

– Еду в Мадрид смотреть «Pinturas rojas».

Для Барби это было настоящей победой. Доказательством того, что она попала в точку.

– Счастливого пути, – сказала она с более теплой интонацией. – Мы позвоним, как только появятся какие-нибудь новости.

Весь перелет Корсо проспал с документами на коленях. Когда самолет приземлился в аэропорту Барахас имени Адольфо Суареса в Мадриде, он резко проснулся. Лицо блестело от пота, голова лопалась от чудовищных видений.

– Вам нехорошо? – На него озабоченно смотрела какая-то приветливая старушка.

– Мне снились кошмары. – Отвечая, он постарался изобразить извиняющуюся улыбку.

– Главное, – сказала та, глядя в иллюминатор, – что мы в целостности и сохранности.

Корсо уставился в сияющее ярким светом окно. Подобная белизна не наводила на мысли ни о солнце, ни о какой-нибудь сладкой жизни, а лишь о вспышке атомной бомбы. Сочетание старушечьего профиля и ослепительного круга иллюминатора повлекло за собой дурное воспоминание. Во время страшной жары летом 2003 года, когда он, двадцатичетырехлетний полицейский в центральном комиссариате восточного Парижа, у станции метро «Луи-Блан», должен был констатировать факты смерти одиноких стариков, которые буквально расплавились в том августовском пекле.

Выйдя из самолета, он чуть было не задохнулся от кастильской жары. Жуткие картины 2003-го не оставляли его: до предела заполненные морги, бесконечные саваны, лица словно маски, покрытые зеленой кожей, раздутые, разлагающиеся челюсти...

Кубарем скатившись с трапа, на взлетно-посадочной полосе он кое-как обрел душевное равновесие и поспешил к аэровокзалу с кондиционированным воздухом. А пройдя его насквозь, сразу юркнул в такси.

Мадрид он знал: ему часто приходилось бывать здесь, однажды даже с Эмилией. Днем этот город представлялся сплошным кошмаром – ослепительная белизна стен, горячий парализующий воздух, солнце, которое выжигает все ощущения. Но в сумерках красота испанской столицы брала верх и завораживала. На ее бесконечных прямых, озаренных вечерним солнцем авенидах испытываешь блаженство и чувствуешь себя как монарх в карете.

Особенно Корсо восхищала архитектура. Он помнил, как сильно его поразила статуя феникса на куполе здания Метрополис, на пересечении калье Алькала и Гран-Виа, похожая на «Spirit of Ecstasy» на капоте «роллс-ройса»³⁵. Заглушка радиатора гигантского, еще не остывшего автомобиля...

Фонд Эмилио Чапи находился на калье де Серрано, в самом сердце шикарной зоны Мадрида – квартале безупречных вилл и торжествующих пальм в садах. Судя по найденной в Интернете информации, фонд был создан в начале двадцатого века зажиточным доктором, сделавшим себе состояние на фармацевтических патентах. С шестидесятых годов фонд отошел во владение группы меценатов, стремящихся облегчить себе налоговое бремя путем покупки произведений искусства. Среди последних приобретений были «Pinturas rojas» Франсиско Гойи.

Такси остановилось возле длинной ярко-красной стены, напоминающей те, что используются в баскской игре пелота. Войдя в ворота, Корсо обнаружил бело-красную постройку с разновысокими террасами под плоскими крышами на каменных опорах. Под звук автоматических оросителей, задававших ритм его шагам, словно шелканье пальцев, он прошел по пальмовой аллее. Казалось бы, это предельно далеко от его расследования, от территории, где ведется охота на убийцу, от зоны своей компетенции. И все же в этот миг он почти физически ощущал, что находится на верном пути.

В холле, исчерченном пробивающимися сквозь приоткрытые ставни солнечными лучами, царил полумрак. Дерево, мрамор, камень... И тишина. Здесь уже можно было видеть несколько полотен, одетые в броню фигуры, наблюдающие за вами сквозь толщу веков, едва выступающие из тени персонажи, словно начищенные пчелиным воском.

– *Un boleto, por favor*³⁶, – попросил он в кассе.

В его планы совершенно не входило обращать на себя внимание и уж тем более демонстрировать свое полицейское удостоверение. Первая задача: добраться до *красных картин*. А потом он подумает, что можно получить от зрителей. Однако без помощи испанской полиции ему не удастся продвинуться. Не считая того, что, возможно, он с самого начала обманулся.

– *¡Quieres entrar?*³⁷

Швейцар указал ему на лифт под старину, с решеткой из черной кованой стали и деревянными лакированными дверями. Корсо кивнул: полотна Гойи экспонировались на четвертом этаже.

За несколько секунд он перенесся в другое время. Обшитая панелями кабина была оснащена черной банкеткой, перламутровой панелью управления и гранеными зеркалами, отбрасывающими зеленый отблеск на лестничную площадку.

Корсо улыбнулся и почувствовал, как к нему возвращается уверенность в правильности принятого решения. С каждым этажом он приближался к миру фантазмов убийцы.

22

Корсо миновал первый зал, где экспонировалась религиозная живопись Золотого века. В следующем преобладали портреты представителей королевского двора Испании того же периода: брыжи, камзолы и жемчуга... С сосредоточенным видом пилигримов, достигших святых мест, бродили несколько туристов. В шортах и сандалиях они, пожалуй, выглядели нелепо, но и сам он был не лучше – среди лета одетый во все черное, будто собрался на рок-концерт фестиваля Хеллфест.

³⁵ «Дух экстаза» или «Дух восторга» (*англ.*) – символическое изображение богини Ники, украшающее капот автомобилей марки «Роллс-Ройс». С 2003 г. права на фигурку *Spirit of Ecstasy* принадлежат компании «BMW».

³⁶ Один билет, пожалуйста (*исп.*).

³⁷ Хотите войти? (*исп.*)

В третьем зале он отыскал *красные картины*, висящие вплотную одна к другой; на широкой белой стене они несколько терялись. Усомниться в их ценности было невозможно: бархатный шнур ограждения не давал возможности приблизиться к ним. Корсо прежде никогда не обращал внимания на их размеры, хотя они были указаны в статьях, и теперь картины показались ему крошечными. Точно меньше пятидесяти сантиметров в высоту на едва ли тридцать в ширину. Однако, если склониться к ним, произведения производили еще более мощное впечатление, выглядели еще более ужасающими. Чистый сгусток жестокости.

Подписи сдержанно сообщали: «*Pintura roja № 1*», «*Pintura roja № 2*», «*Pintura roja № 3*», однако Корсо помнил, что читал, будто историки искусства окрестили их соответственно «Крик», «Ведьма», «Мертвец»...

Крайняя левая картина являла взгляду посетителя изображение изуродованного лица, которым, совершенно очевидно, вдохновлялся убийца Нины. Каторжник или арестант, черные наручники и цепи которого отчетливо виднелись внизу полотна. Уголки его болезненно растянутых до ушей в каком-то ненасытном смехе губ выглядели одновременно раной и вызовом. Было непонятно, страдает этот человек или испытывает наслаждение. Его невыносимое выражение – дьявольская гримаса, от которой кровь стыла в жилах, – казалось совершенно двусмысленным. Это был провидец, из глубины своего страдания вззирающий на вас, насмехаясь над вашим неведением...

Но самым необычайным – и самым завораживающим – была пурпурная доминанта холста. Лицо с разверстым ртом возникало на рдяном фоне, как ком глины в луже грязи. Казалось, он медленно и неумолимо отделяется от нее, подобно тому как некогда в химических ванночках постепенно проявлялись серебряно-желатиновые отпечатки.

На второй картине, «Ведьма», зритель видел странную композицию, слишком новаторскую для своего времени (нечто вроде «Собаки» из «*Pinturas negras*»). Полоска земли (но здесь цвет наводил скорее на мысль о лаве, о раскаленной магме) косо делила полотно надвое. На этой оси возникала жуткая голова. Раскосые глаза, измученное сморщенное лицо, слипшиеся от грязи и торфа всклокоченные волосы. Казалось, ведьма тоже смеется таким же зияющим ртом и играет с вами злую шутку по другую сторону этой серной черты.

«Мертвец», написанный в более темных тонах, последними оттенками киновари и кармина перед сиеной, переживал агонию цвета сумерек. На полотне можно было разглядеть человека на каком-то ложе: кровати или носилках. Не в больнице, а скорее в камере или комнате с наклонным потолком. Станным образом искривленное тело, казалось, было едва намечено по сравнению с лицом, выписанным ошеломляюще подробно. Четкие черты, огромные глаза, точеный профиль – и снова этот широко разверстый рот, который на сей раз наводил на мысль не о смехе, а о небытии, с каждой секундой отвоевывающем себе пространство.

В пору увлечения судебной медициной Корсо с удовольствием читал научные трактаты девятнадцатого века. Он вспомнил описания внешности пациентов с третичным сифилисом. А именно следующее: изъеденное лицо, провалившийся нос, губы в рубцах и шрамах, тонкие, как клинок сабли, берцовые кости, деформированные болезнью, как металл – предельной температурой. Наверняка Гойя изобразил сифилитика, которого видел в какой-нибудь благотворительной лечебнице или богадельне.

Все это мало чем помогло Корсо в его деле, однако он был уверен, что убийца приходил сюда полюбоваться этими произведениями. Напитаться ими. Насытиться. Они стали тем пусковым механизмом, который дал ему команду перейти к действию. Или же они напоминали ему другую травму, подлинный источник его убийственного побуждения...

Корсо решил вернуться на первый этаж, чтобы расспросить зрителей и узнать, не обратили ли они внимания на постоянного посетителя, странного поклонника этих работ. Он уже начал спускаться, когда снизу раздалось рычание, мгновенно перешедшее на такие высокие звуки, что превратилось в шипение и хрип, – заработал мотор лифта. Сквозь сталь-

ную кованую решетку Корсо увидел, как опускается противовес и приближается застекленная крыша лифта. Он машинально отпрянул и проследил взглядом за движением кабины.

В этот же момент за прозрачными дверями рядом со швейцаром он заметил мужчину, стоявшего к нему спиной: в светлом костюме и мягкой белой шляпе. В его мозгу молнией пронеслись слова Фрейда: «У него странная манера одеваться. Белые костюмы, шляпы... Вроде сутенера двадцатых годов...» «Сутенер» только что проплыл мимо него ввысь.

Не мешкая Корсо, перескакивая через ступеньки, тут же кинулся наверх. Когда он достиг четвертого этажа, двойная дверь как раз закрылась и лифт уже тронулся вниз. Корсо бросился в зал, где висели «Pinturas Rojas»: человека в белом там не было. Он обошел остальные залы. Короли, герцоги, шуты Золотого века, но никого в шляпе. *Твою мать!*

Он вернулся к лифту и внимательно осмотрел лестничную площадку. Никаких туалетов. Никаких кабинетов. Никаких других помещений, кроме этих трех залов. Он заглянул в шахту, где снова поднимался лифт. Корсо скатился по ступенькам, осознав, что произошло: посетитель заметил его отражение в зеркалах кабины. Доехав до четвертого этажа, он не вышел и велел швейцару отвезти его вниз. Наверняка под каким-нибудь предлогом шельмец всего-навсего пригнулся, поравнявшись с Корсо, а потом, оказавшись вне поля его зрения, снова выпрямился. *Чем проще, тем надежнее.*

Опросить лифтера оказалось невозможно: кабина вновь взмыла ввысь. Корсо предпочел сделать ставку на холл и сады. Спускаясь по ступенькам, он задавался двумя вопросами: почему этот человек сбежал? И как он мог засечь Корсо; выходит, он его знает?

На первом этаже никого: ни возле кассы, ни в примыкающем к ней книжном магазине. Корсо ринулся к туалетам, мужскому, женскому, проверил каждую кабинку. *Nada*³⁸. Наконец он выскочил из здания. И против воли тотчас замер, ослепленный светом, вспыхнувшим прямо у него перед глазами, не говоря уже о жаре, от которой у него буквально подкосились ноги. Укрывшись в холле, где на него уже стали косо поглядывать, он перевел дух и снова бросился в пекло.

Приложив ладонь козырьком к глазам, он произвел быстрый осмотр местности. Разумеется, никого ни в аллеях, ни под сенью пальм. Казалось, пейзаж начисто лишен всякого присутствия человека и вообще любой материальной субстанции. Деревья выглядели белыми языками пламени, лужайки – ослепительными зеркалами.

Корсо добежал до выхода из парка. На светлом гравии дорожки четко вырисовывалась его тень – словно трещина, вспоровшая землю. Добравшись до ворот, он оперся о решетку и должен был сразу же отдернуть руку от раскаленного металла. То же самое произошло и с его горлом: пробежав несколько метров, Корсо чувствовал, будто оно превратилось в огнемет. Ни малейшего следа посетителя. Впереди пустынная улица. У него не оставалось сил снова пуститься бегом. Впрочем, куда? Незнакомец растворился в этом городе, таком же белом, как он сам.

Корсо провел ладонью по лицу и отправился обратно. Кровь стучала в висках. Он уже, запыхавшись, входил в холл, когда завибрировал его мобильник. Взгляд на экран: Арни. Ему показалось, что звонят с другой планеты.

– Ты где, мать твою? – прорычала культуристка. – Мы уже час не можем дозвониться!

Похоже, Барби умолчала о его отъездах-приездах.

Корсо колебался, не зная, как ответить, но склонился к начальственной сдержанности:

– Что случилось? Что-то срочное?

– У нас вторая, черт!

– Что?

³⁸ Ничего (*исп.*).

– Жертва. Изуродованная таким же способом, задушенная собственным нижним бельем, связанным, как в предыдущий раз.

– Она опознана? – задохнулся он.

– Мы все и так ее знаем: это Элен Демора, коллега Нины Вис. Мисс Бархат!

23

Корсо приземлился в Париже в 16:20 – настоящий подвиг в период отпусков. Впрочем, недостаточно заметный, для того чтобы его ждали на месте преступления. Тело Элен Демора уже было перевезено в Институт судебно-медицинской медицины, специалисты службы криминального учета упаковались так, что сцена обнаружения – пустырь в Сен-Дени – сводилась теперь к нескольким обрывкам ленты ограждения. *Проходите.*

Прокурор города Бобиньи, находившегося в юрисдикции департамента Сен-Дени, прихватил прибывших на место ребят из регионального 93-го отдела судебной полиции. Барби уже мертвой хваткой вцепилась в прокуратуру Парижа, чтобы дело передали им. Но оформление документов требовало времени, и теперь, во второй половине дня, никто не знал наверняка, кому будет поручено расследование.

Пока группе Корсо удалось лишь получить отчеты, составленные офицерами судебной полиции. Не высказывая никакого мнения и ни словом не объяснив своего отсутствия, Корсо завладел стопками печатных листков и заперся в кабинете. Прежде всего ему следовало проанализировать и объединить факты, со всей объективностью проникнуться этой новой драмой – и позабыть о полученном в Мадриде тепловом ударе.

Труп был обнаружен около одиннадцати утра на заброшенном пустыре, на углу улиц Капитана Альфреда Дрейфуса и Флоры Тристан, недалеко от железнодорожных путей станции Стад-де-Франс. На самом деле не вызывало никакого сомнения, что тело обнаружили гораздо раньше, – место идеально подходило для того, чтобы выкурить пару косячков. Но не местным же мальчишкам предупреждать полицейских – это просто невозможно. Пришлось ждать, когда один из них расскажет родителям, а те решатся позвонить неприятелю, то есть в полицию.

Так же как Софи Серей, Элен Демора была обнажена, при ней не нашлось ни единого предмета или документа, позволявшего установить личность. Сыщики сразу подумали о первой убитой стриптизерше. Их подозрения подтвердили обнаруженные следы.

Как и в предыдущий раз, жертва в позе эмбриона была связана своим нижним бельем. Бюстгальтер крепко обвивался вокруг шеи и запястий, которые при помощи трусиков были прочно соединены с шиколотками. Кнотовые, или поводковые, узлы, узлы-восьмерки, последний из них – открытый... Как и Нина Вис, женщина явно билась и сама себя задушила, еще сильнее стянув свои путы.

Раны на лице также оказались идентичными. Искромсанные губы, обнаженные десны, камень, воткнутый в горло... Просматривая чудовищные фотографии, Корсо представлял себе пухленькую женщину, изображавшую матросика на сцене «Сквонка». Внешне стриптизерши не имели ничего общего. Софи Серей была долговязая, худая блондинка с овальным лицом и очень яркими бровями. У Элен были постриженные под пажа черные волосы, разумеется крашенные, и толстые щеки.

Иногда на мгновение мысли Корсо возвращались к человеку из Мадрида. Действительно ли это убийца? Возможно ли, что, убив в Париже, он отправился в Испанию? Не так уж абсурдно: после совершения преступления он вполне мог поехать туда, чтобы собраться с мыслями перед картинами. Возможно, каждое убийство представлялось ему чем-то вроде приношения. Или же все это лишь кромешный бред? Корсо решил на некоторое время забыть призрака в панаме. Следовало ограничиться фактами, только фактами – и вести расследование как полагается.

Он перешел к снимкам с крупным планом окружающей обстановки, разделенной на жилые массивы и башни: привычная нищета, обычное уродство и пустырь, подвалы которого, согласно отчетам, были отравлены двумя веками промышленной деятельности. Ничего общего со свалкой отходов, где обнаружено первое тело. Никакого возможного символического смысла.

Единственная деталь, на которую следовало обратить внимание, – это относительная близость пустыря и адреса проживания Элен Демора: улица Мишеля Орденера, ворота Сент-Уан, как и в случае с Софи Серей – близость свалки Потерн и района Иври, где она жила. Но эти расстояния ни о чем не говорили – нельзя было даже предположить, что убийца выбрал эти места, руководствуясь удобством, потому что с Софи он расправился не в ее квартире, и Корсо был убежден, что с Элен тоже.

Сыщики из местного отделения полиции звонили уже несколько раз – знак, что они надеялись оставить дело у себя. В общих чертах они восстановили последний день стриптизерши. Невесть что, по правде говоря. Элен проживала одна. Накануне она работала в «Сквонке», так что проснулась около полудня и примерно в час, как всегда, отправилась в спортзал клуба «Вау Клуб Мед Жим» на улице Фобур-Пуассоньер. Во второй половине дня ее следы терялись.

Коп собрал лежащие на столе документы и сунул папку под мышку. В зале совещаний ждала его команда, уже сильно на взводе. Тому имелось две причины: разумеется, само убийство, но также и молчание прокуратуры. Люди Корсо по-прежнему не знали, кому предстоит этим заняться. А ведь тратить долгие часы на административные дела было бессмысленно. Корсо успокоил коллег: он уже звонил в прокуратуру и подчеркнул обоснованность их притязаний.

Он приступил непосредственно к интересующей всех теме:

– Что бы вы ни думали, мы времени зря не теряли.

– Неужели?

Вопрос задала Арни, имеющий опыт не привил ей иммунитета против бессилия, которое порой берет сыщиков за горло.

– Мы с самого начала промахнулись, – процедила она сквозь зубы. – Вся эта хрень с гонзо не имеет никакого отношения к убийствам. Убийцей владеет навязчивая идея: «Сквонк».

– Именно поэтому мы сменим тактику, – согласился Корсо. – Сосредоточимся на заведении. Надо снова допросить Камински и девочек, изучить историю клуба, здания и даже – почему бы и нет – стриптиза. У убийцы проблема с этим конкретным заведением и именно этим родом деятельности. Нам следует целиком сконцентрироваться на этом.

– А Ахтар со своими видео? – спросила Барби. – Не будем же мы бросать начатое расследование на полпути.

– Что у нас с подкреплением?

– Бомпар отправляет к нам целую свору стажеров.

На лучшее Корсо и не рассчитывал: в июле невозможно надеяться на свежие обстрелянные войска.

– Компьютерщики из Берси в ближайшее время сообщат нам координаты порноактеров и подписчиков Ахтара. Наши ребятки разошлют им повестки и допросят эту тусовку. А мы сосредоточимся на Элен Демора и «Сквонке».

– А опрос соседей в Сен-Дени?

– Это берет на себя местное полицейское отделение. Свяжитесь с ними. Попросите, чтобы они заодно изучили записи с камер наблюдения.

Людо скептически заметил, что в таких кварталах подобное оборудование долго не живет.

– Есть также пробы, взятые специалистами службы криминального учета, – продолжал Корсо, будто ничего не слышал. – Попросите их обратиться в частную лабораторию, это чрезвычайно срочно.

– Полквартала, должно быть, уже потопталось на месте преступления, – не унимался Людо.

Это его замечание Корсо также оставил без внимания:

– Новое убийство дает нам повод детально изучить способ действия преступника. Представить себе каждое его движение, установить его оружие, проследить последовательность ритуала...

Повисла тяжелая пауза. Все скептически молчали.

– Вы уже были в доме жертвы? – продолжал он.

– Ребята из Клиньянкура сейчас как раз там. Ничего нового.

– Вернемся туда завтра утром вчетвером. Проведем настоящий обыск. Необходимо подробно прояснить профиль Элен. Понять, были ли у нее точки соприкосновения с Софи Серей, встречались ли они помимо работы в...

– Во всяком случае, – перебила его Барби, – на Ахтара она не работала. Мы уже проверили.

– В этой среде есть не только Ахтар; покопайтесь в мире садомазо, адресочки вы знаете.

Его слушатели начинали отгаивать. Корсо решил, что сыщики созрели для разделения обязанностей – по возможности немедленно.

– Людо, – приступил он, – пойдешь на вскрытие, а также вместе с криминалистами проследишь за анализом образцов ДНК.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.